

Николь Руссо

# ИДЕАЛЬНОЕ АНТИТЕЛО



**ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ РОМАН**

16+

# Николь Руссо

## Идеальное антитело

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=64351717](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64351717)*

*SelfPub; 2022*

*ISBN 978-5-532-92586-1*

### **Аннотация**

Первая книга трилогии. Москва, март 2020 года. Город закрыт на самоизоляцию ввиду пандемии. Обычный инженер из Тульской области оказывается в трудной жизненной ситуации. Лишившись квартиры и документов, волею судьбы он попадает в столицу в период «локдауна». Государственным структурам совершенно случайно становится известно о наличии в его крови неизвестных науке антител, способных быстро излечивать любую вирусную инфекцию, включая Covid-19. Герой, сам того не подозревая, становится объектом поиска. Но данный факт также интересен нечистым на руку коммерческим компаниям и даже спецслужбам иностранных государств. Все желают овладеть панацеей. А когда обнаруживается, что на ее основе можно создать чудодейственную вакцину, за героем начинается настоящая охота! Сюжет, описания и все персонажи вымышлены, любые совпадения случайны.

# Содержание

Пролог	4
Глава I	6
Глава II	13
Глава III	20
Глава IV	26
Глава V	29
Глава VI	31
Глава VII	49
Глава VIII	67
Глава IX	75
Глава X	81
Конец ознакомительного фрагмента.	86

# Николь Руссо

## Идеальное антитело

### Пролог

Мусорный грузовик сильно трясло. Холодная гладкая стальная труба, за которую Степаныч держался, стоя на задней подножке, скользила и норовила вырваться из рук. Он мог свалиться в придорожную грязь к ногам преследователей уже несколько раз. Но звериное желание жить утроило силы.

«Если у них оружие – пристрелят на фиг! Не побоятся, район глухой. Если только ножи, то есть шанс!» – мелькали мысли.

Фортуна была на его стороне. Желавшие отомстить ему друзья погибшего Аслана пробежали еще несколько десятков метров, поняли, что просто так машину не догнать и стали топтать ногами, громко спорить и жестикулировать. Видимо, один предлагал вызвать такси или поймать частного, другой, очевидно, настаивал на том, чтобы продолжить погоню. Когда Степаныч приоткрыл глаза, они остались уже далеко позади двумя темными точками на сумеречной улице.

Решив не спрыгивать до конца маршрута, он тряся, стоя на подножке мусорки, еще минут десять, оказавшись в итоге

на окраине Задонска, между городской свалкой и стихийной стоянкой дальбойщиков. Грузовик притормозил перед поворотом, дав шанс безболезненно спрыгнуть и приземлиться в огромный снежный отвал, оставшийся после тракторов, чистивших улицы города.

Тяжело дыша, Степаныч лежал на куче грязного серо-коричневого снега и смотрел в серое небо. На лицо моросила какая-то дрянь с неба, смешиваясь с дымом свалки и дизельными выбросами работающих фур. Но в этот миг ничего не было милее, чем этот смрадный запах и грязь на лице. Жив!

# Глава I

Вчерашняя водка выходила тяжело. Обхватив шершавую проржавевшую подвальную трубу отопления, стараясь прижаться к ней как можно ближе, чтобы сохранить безмятежное состояние «улета», Степаныч ворочался, вздыхал и постанывал. Шум в ушах от вчерашнего лечения горячим мутноватым пойлом, усиливался.

Мутило жутко, но выходить из подвала во двор сталинского дома где-то вблизи Таганки ой как не хотелось. Вчера мужики, приютившие его, пытались, как они говорили, «старыми проверенными способами» избавить его от неведомой болезни, которая уже третий день не давала подняться. Тело ломило, бросало в жар, в уголках глаз и на ресницах скопилась какая-то липкая слизь. Неужели это именно та зараза со страшным непонятным именем Covid-19?

Улицы Москвы были безлюдны, шел март 2020 года, первый, самый жесткий месяц карантина. А если ты – бомж, тебе труднее во сто крат! Погода была сырой и промозглой, машин на улице почти не было, так что идти к светофору «сшибать монету» было бесполезно.

Полицейские патрули – все новенькие, нагнали, видно, пацанов с «учебки», они и рады «попу рвать». По первости пару раз их задерживали и отводили к дежурной машине полиции или в опорный пункт. Пока один раз дежуривший сер-

жант не «послал» молодых патрульных: «Что вы сюда всякий сброд тащите? Сказано же – нарушителей приводить!» Да и правда, какой от таких прок? Ни денег, ни наград с меня не получить. Теперь не трогают, как будто не замечают.

Газеты, напиханные для тепла в рукава, слежались и набухли от пота и влаги подвала, менять их было не на что. В таком состоянии не то что пару рублей – «в репу» у светофора схлопочешь на раз-два! Лежать, только лежать! Забыть про все! Про дырявые летние кроссовки, из жалости оставленные каким-то покупателем у магазина «Nike» и теперь хоть немного защищающие от слякоти и той дряни белыми комочками, которую сыпят на тротуар наши восточные братья. От этой химии ноги саднило, не хотелось даже снимать носки, чтобы не смотреть, во что превратились пятки. Сил нет!

Но Степаныч верил, что сегодня болезнь должна уйти! Всегда же так было! Никогда не болел он больше трех дней! Он крепкий! С ним никогда ничего такого случиться просто не может! И вранье это все, скорее всего, в газетах про смертельные случаи. Может, с другими такое случается, но только не с ним!..

...Наверное, уже почти неделю Степаныч пытался не сойти с ума в разномастной, но мирной компании таганских бомжей: Кепы, Серого и Старика. Нет, люди-то они все были хорошие, когда по отдельности и сами по себе. Можно было посидеть и послушать горестные излияния каждого их

них. Что, мол, если бы была возможность, начали бы новую жизнь. Да только треп это все! Треп и оправдания. Да рупь за сто, что предложи кому-нибудь из них для жилья сторожку в садоводстве, где был бы запас дров и грядочки, так хрен кто согласится променять «свободную жизнь в подвале» на райские кущи жизни в относительном покое.

Говорят, в Московской области 60 000 бездомных! Дык, наверное, и тысяч десять садовых товариществ. И в половине из них не хватает сторожей. Все были бы довольны! Ан нет, они себя называют «шифтеры» (потому что выговорить «дауншифтер» непросто, да и обидно из-за приставки «даун»). Типа это – мой образ жизни! (Как будто насмотрелись по ТВ вечерних шоу Воробьева!) Им на улице, в стае жить легче. Свои законы, свои «самцы альфа». Если ты чужак – не подходи! Но жить можно. Когда жизнь тебя сделала если не волком, но, по крайней мере, волчонком, в стае уже привычнее...

Степанычу хотелось укутаться батарейным теплом, раствориться в нем, распластаться по всей этой ржавой трубе – и чтобы никого и мыслей никаких! Временами его забыть прерывалось сухим отрывистым кашлем, засевшим внутри. Казалось, все внутренности вылетят наружу. Так заходится, аж в глазах темнеет. Потом отпустит – и ничего так. И мысли, мысли! Эх! Надо было вчера дерябнуть побольше водки, спал бы крепче. Но мысли не уходили. Они каким-то нервным клубком обматывали голову, роились, как малень-

кие червячки, каждый из которых высовывался изнутри и нес с собой самые грустные моменты его прошлой жизни...

Лежащий сейчас в одном из таганских подвалов Виталий Степанович Загородний родился в семье военного, в одном из военных городков «нашей необъятной». Его отец, кадровый офицер ракетных войск, достаточно долго кружил по регионам тогдашнего СССР и по миру в целом. После Карибского кризиса даже довелось быть в составе органиченного контингента советских войск на Кубе. К слову, там у него случился роман с какой-то местной красавицей, кажется Йохана ее звали. Отец часто вспоминал, что где-то в далеком Тринидаде у Витальки есть сестренка Марианна.

В последнем месте службы, поселочке со смешным названием Оек, где-то в глубине Иркутской области, отец, наконец, женился. «Раньше это было бессмысленно, – любил он повторять. – Все равно под землей дежурю по две недели через день, какая тут любовь...» Здесь и родился Виталька. Вскоре у него появилась младший братик, Женечка. Милый пузан, с которым они, помнится, вечно ссорились из-за игрушек.

Все шло хорошо, пока как-то раз семья Загородних не собралась на озеро Байкал на зимнюю рыбалку. Перед самой поездкой Виталька сильно заболел, и его оставили в городке на попечении медсестры санчасти. Через два дня пришло ужасное известие: вся его семья погибла! На горной дороге случился оползень. Их старенький «Запорожец» сорвался с

обрыва и съехал вниз по склону к берегу Байкала. Вынесенная на лед, машина попала в полынью и мгновенно ушла под воду. Никого найти так и не удалось.

Витальку забрала к себе тетка, живущая в Задонске, что под Тулой.

До достижения восемнадцати лет он получал пенсию по потере кормильца, а потом пришлось рассчитывать только на себя. Тетка была уже старенькая. Здесь же он закончил школу, потом с «отличием» – радиотехнический техникум. Хотел дальше – в институт, да не сложилось.

Много лет Степаныч трудился в лаборатории «Стройприбор» одного из оборонных заводов. Надо сказать, тяга ко всем железякам и электронике у него была с детства! Вскоре, благодаря сметливому уму и стараниям, он стал старшим техником, а потом выбился в заместители начальника отдела.

В конце лета 2019-го, когда дела пошли... Да, нет, они никуда не пошли, они просто испарились на фиг, все дела в их лаборатории! Их головному заводу содержать лабораторию оказалось непосильной ношей. Потихоньку под каким-то благовидным предлогом со стороны «высшего начальства» место работы, которому Степаныч посвятил почти двадцать пять лет жизни, перестало существовать.

Первые месяцы в душе была полная уверенность, что «с таким опытом» работу он найдет легко. Не тут-то было! Предприятия похожего профиля в городе Задонске или дав-

но закрылись, или были перекуплены новыми молодыми хозяевами.

Как-то зайдя в бывшее свое здание для беседовная, в офис к новым владельцам, Степаныч был поражен. Исчезли кабинеты, коридоры, да и герани на подоконниках уже не было. Весь этаж здания занимала одна огромная комната размером со спортзал. Стены между кабинетами отсутствовали. Их заменили невысокие, по грудь, пластиковые перегородки, за которыми сидели молодые люди в джинсах и с хвостиками на затылке. Они молотили по клавиатуре своих компьютеров с такой скоростью, будто хотели обогнать машинистку Надежду Васильевну из бывшей конторы Степаныча.

Всюду сновали девушки и парни, почему-то с кофейными чашками в руках. Они переходили от одной группки к другой, что-то обсуждали, жестикулировали... Было очень неудобно в этой чужой и незнакомой обстановке, но он стойко дождался собеседования. Ответ был стандартный: «Спасибо, мы с вами свяжемся, оставьте телефон секретарю»!

Накопленных денег на сберкнижке пока хватало на хлеб-масло, но Загородний понимал, что так долго не протянет. И продолжал обивать пороги немногочисленных предприятий и контор города. Почти все предполагаемые работодатели благодарили за визит, говорили: «Спасибо, мы вам перезвоним», но тем и заканчивалось.

В одной фирмочке по фасовке стирального порошка вроде и согласились. Им нужен был начальник смены – рабо-

та 12 часов через 24, но просьба оформления по трудовой книжке их не вдохновила... На стройке промкомбината по телефону все, кажется, срослось, даже документы для оформления можно было потом донести. Но, посмотрев на Степаныча вживую, отказали. Мол, все хорошо, но ваш возраст... Обычно старше сорока пяти лет мы не берем.

Можно подумать, в сорок лять он перестал существовать для всего мира работодателей. То есть совсем! Как класс!

«Молодых им подавай!». – сокрушался Степаныч. – Даже баба – и то ягодка в этом возрасте!» Попытав счастья на складах сетевых магазинов, он понял, что соревноваться в сноровке с молодыми крепкими ребятами из Азии он не может. А работа «раскладчика продуктов» или «мерчендайзера» почему-то требовала «специальных навыков», для которых, мол, надо пройти платные курсы... Одним словом, и здесь ждал пролет.

## Глава II

И вот настало то время, когда стало хватать денег только на «Роллтон». Это чудо макаронной промышленности, кстати, частенько спасало Степаныча! Обед из пакетика был горяч, пахуч и недорог. Не говоря уже о том, что давал «оттяжку» наутро с похмелья, проливаясь обжигающей лавой в горло и дальше, согревая и успокаивая душу и организм!

*Совет: Люди, зачем платить за лапшу в пластиковом стакане полтинник, это тот же в пакете по 7 рублей, только плюс чашка пластиковая! Вы ее все равно же выбросите потом, если бабушка не отберет для рассады...*

Пришлось «попытать несчастья» даже там, куда идти совсем не хотелось.

Его таки взяли на работу в большой загаженный двор за автостанцией, названный кем-то в усмешку «ярмаркой сельскохозяйственной продукции».

Хозяином этой чудо-базы был некто Бахрам, судя по внешним данным, выходец с Кавказа, но конкретнее – кто ж спрашивал-то? Точнее, хозяином большей ее части. Вторую половину занимали то ли корейцы, то ли вьетнамцы. Горячие кавказские парни вечно с ними ссорились.

Поскольку из всех рабочих рынка у него была, по словам хозяев, «самая русская и доверчивая морда», ему довери-

ли заманивать проезжающие в Москву автомобили, везущие сельхозпродукты. От фур до «жигулей» с прицепом. Он должен был привлекать их внимание. Вдруг кто по наивности решит остановиться и спросить, почему здесь купят его товар.

Схема была проста. Приходя до рассвета, Степаныч вешал на грудь большую картонку «КУПИМ ОПТОМ ДОРОГО ЧЕСТНО» и стоял на краю шоссе, призывно махая руками проезжающим грузовикам. Если наивный водила притормаживал и выходил обсудить условия продажи груза, тут же пара молодцов кавказской наружности лезли в кузов, ощупывали товар и, конечно, якобы находили изъяны. Они кричали «старшему», который уже что-то «тер» с продавцом: «Муалим Ахмет, много гнилого! Не надо брать...»

Потом водителю называлась цена выше рыночной, но для покупки предлагалось заехать на территорию, якобы для проверки качества... Ну, потом начинался кавказский торг! Если хозяин продуктов был неуступчивый, в ход иногда шли угрозы. Но, в основном, только на словах. Открыто никто вешать на себя «уголовку» не хотел... Все решалось на психологии.

После долгих споров большинство незадачливых фермеров или региональных «горе-бизнесменов» вынужденно соглашались. Они уже понимали, что пока торговались здесь, их конкуренты на других оптовых базах уже подсчитывали выручку. В итоге доверчивые продавцы с грустью забирали деньги и тут же торопились назад с мыслями, что «пусть они

немного проиграли, но зато следующий рейс будет более выгодным». Утопия, но реальность!

Ведь для «мужика от сохи» что главное – вырастить и отдать в хорошие руки свой продукт. Да чтобы его похвалили, во-первых, и уважили его проделанный труд, во-вторых... Для сельского трудяги деньги – не главное. Странно, кстати...

Бахрам был, в принципе, нормальный мужик, он любил работать и зарабатывать! Приходил раньше всех, уходил позже всех. Если бы не огромное количество прибывающих в Москву его порой абсолютно бестолковых, но «на понтах» родственников, жизнь была бы сносная. Порядок хозяин поддерживал строгий, даже среди своих! Был цеплючий, как репей, за каждую копейку! Воровства практически не было, если не считать ежедневных пары кило хурмы или мандаринов, которые каждый из родственников считал своим долгом унести домой, еще приговаривая продавщице: «Гуля, как всегда положи, отбери там получше, на меня запиши!»

После утренней «охоты» на наивных крестьян и водителей Степаныч разгружал пахнущие землей мешки с картошкой и разносил их по торговым точкам. Чтобы потом, после закрытия рынка, собирать в кучу промокшие картонные ящики и выбрасывать в дурно пахнущие контейнеры на заднем дворе... Радостью было найти в мусоре пару монеток или купюр, оброненных покупателями.

После закрытия рынка Бахрам и его «кунаки», проте-

рев наспех тряпочкой свои (обязательно черные!) ботинки и отряхнув треники, собирались по кучкам для обсуждения завтрашнего дня. Они долго и надрывно что-то «чебурекали» на своем языке. Передавали друг другу мятые купюры и покуривали сигариллы, источавшие мерзкий, блевотный сладкий запах. Вот что было гаже всего! Степаныч сам не курил, и его всегда подташнивало, когда ему приходилось находиться рядом.

И еще крайне непривычно было выдерживать кавказский темперамент. По природе своей нюня и трудоголик, Загородный, тем не менее, понимал, что такое социальная дистанция. Еще та, доковидная. То есть сложившиеся у каждого народа традиции находиться друг от друга на определенном расстоянии, не подходя ближе. Даже к своим коллегам подходить близко было не принято.

А эти рыночные горлопаны норовили кричать ему что-нибудь, едва не касавшись небритым подбородком его лица... Даже когда тебе говорят что-то хорошее, почти прислонившись к твоему носу, хочется, если это не девушка, отпрянуть или в морду дать...

В силу характера «в морду» не получалось. Ну вот не было у Степаныча с ними «общей ауры» и понимания! А вот гастарбайтеры Петро и Санек, родом откуда-то из-под Харькова, напротив, чувствовали себя на рынке как дома. Ловко и быстро справлялись они со всем, что им поручали. Только слышишь: «Яхши, Бахрам! Конечно, Бахрам!». Такие, на-

верное, везде приживутся!

Конечно, этим торгашам, «гостям с юга», тоже жилось несладко! Ни один коренной житель города Задонска не согласится поменяться с ними местами! Немногие вообще выдержат такой график: в пять утра быть на рынке, проследить, чтобы проезжающие потенциальные поставщики не прошмыгнули мимо. Вовремя заметить машину с товаром, уговорить продать все «с колес», подумать, куда это продать, чтоб не испортилось. Вечером собрать выручку, заказать с оптового склада недостающий товар – такому бизнесу не позавидуешь!

Да еще думай, куда пристроить всех приезжающих «с гор» племянников! Когда в твоём родном селе узнают, что у тебя неплохо идут дела, отбою от них не будет! Степаныч умом понимал это. У них это в крови, дела эти торгашеские! Ему же это было чуждо.

Помнится, раньше, в еще денежные времена, выбирая на рынке, например, морковку (чтоб не толстая и не тонкая была), он со страхом думал, что никогда не хотел бы здесь оказаться в качестве работника. Не хотел! Как говорят: «Хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах».

Физическая работа никогда не была Степанычу в тягость. Страшило, наоборот, отсутствие работы. Трудиться на открытом воздухе было не привыкать, и под проливным дождем, и в слякоть. На здоровье он не жаловался и почти никогда не болел. С детства еще не было такого, чтобы какая-то

болячка мешала ему дольше пары суток. Любой грипп, простуда или ангина. Два-три дня мучений – и Виталька снова как огурец!

Врач на медкомиссии в армию, посмотрев его флюорографию, даже заявил: «Виталий Степанович как минимум два воспаления легких перенес на ногах без серьезных последствий». Мама часто говорила: «Виталька, у тебя потрясающая иммунка!» Виталька даже не знал тогда, что такое «иммунка» и лишь через много лет понял, насколько он уникален, что, кстати, чуть не стоило ему жизни... Но всему – свой час...

Однажды при разгрузке фуры, не успев поймать летящий в него арбуз, наш бывший техник-лаборант завалился спиной на огромную стопку решеток с яйцами, расколов их почти половину. Бахрам тогда коротко сказал: «Отработаешь». Наверное, с этого момента и началась темная полоса в жизни Виталия Степановича Загороднего, полная страхов и горя.

Короче, его «поставили на бабки». Конечно, это понятно, что ущерб надо возмещать... Но сумма оказалась непомерной! «Там, блин, сама курочка Ряба снеслась, что ли?» – горестно думал он про себя.

Каждый день, проходя на рынок, Степаныч слышал один и тот же вопрос: «Деньги принес?» Следить за исполнением финансовых обязательств поручили сыну Бахрама, 16-летнему Аслану. Видно, это было для него первое серьезное поручение, и он из кожи вон лез, стараясь выполнить его.

Уже на четвертый день стало страшновато. Аслан встречал его потоком незнакомых гортанных слов, размахивал руками, как бы призывая всех, кто был рядом, посмотреть, как этот «сын шайтана» разорил его уважаемого отца.

Как-то раз, в счет уплаты части долга, Степаныч пустил переночевать в свою квартирку «спокойных хороших ребят», Аслана с друзьями. В ту ночь постелил себе на кухне старенький матрасик. Шестиметровая кухонка как раз позволила ему забраться под стол и улечься головой к стене, чтобы ноги не сильно торчали в проходе.

Но одним разом это не закончилось. Вторую ночь его вообще попросили «погулять где-нибудь», потому что придут девушки. По словам Аслана, они «скромные и чужих им видеть не нужно». Степаныч покорился... Полночи ходил по району, не зная, куда приткнуться, в результате уснул на лестничном пролете соседней многоэтажки.

## Глава III

А через неделю ночью в его квартире случился пожар. Две квартиры в деревянном двухподъездном доме, в котором Степаныч жил после смерти тетки, выгорели полностью... Самое ужасное, что в это время в квартире находился Аслан и какая-то местная девочка. То ли мальчик Аслан не потушил сигарету, то ли не тот рычажок повернул на старой газовой колонке... Спали они или были пьяны, неизвестно, но спасти не удалось никого.

Загородный прибежал, когда пламя уже охватило почти полдома. Бегал вокруг дома, умолял пожарных поторопиться. Пытался хоть как-то помочь, как будто был виноват в том, что третью ночь напролет ему приходилось спать, где придется. А на его робкий стук в собственную дверь с просьбой взять теплые вещи Аслан через дверь кричал: «Я с девушкой! Ты мужчина или нет?! Оставь нас!»

Степаныч сглотнул... Не хотелось вспоминать ни про наряд полиции, ни про гору протоколов пожарных, ни про то, как сам бегал вокруг горящего подъезда и тщетно пытался из ведра притушить бушующий огонь... Он понял, что пропал! Мало того, что остался без жилья, – теперь он стал кровным врагом всех родственников этого кавказского юноши. Они не будут разбираться, кто виноват, его просто зарежут!

О том, чтобы оставаться на рынке, не могло быть и речи!

Если его сразу в отделении полиции не задушила вся асланова родня, то только потому, что больно тщедушным оказался Степаныч для кровной мести, да и вины напрямую его не было. МЧС зафиксировало самовозгорание. Все это понимали, но глядели как на врага, как бы говоря: «Что ж ты не бросился в огонь и не спас нашего брата?»

Не сейчас, а через несколько дней, когда поутихнет шум, эти «герои продбазы» убьют его обязательно! Зная нравы этого народа, сомневаться в этом не приходилось.

Некоторое время Степаныч просто шатался по городу, вспоминая близких и не очень знакомых... У кого чайку попьет, у кого вечер проведет... Но это не могло продолжаться долго. И грустные мысли все чаще одолевали погорельца. При пожаре сгорело все: паспорт, трудовая, все документы на квартиру! Даже его единственная медаль «За трудовую доблесть».

Избегая показываться на глаза родственникам погибших, Степаныч попытался как-то решить вопрос со сгоревшей квартирой. Хуже всего, что она была приватизирована на тетку, а после ее смерти прошлым летом заниматься наследством все было некогда... Срок подачи документов заканчивался уже через две недели, а Степаныч не то что подать, найти документы не мог.

К тому же тетка – это не мама. Оказывается, чтобы доказать родство с ней, нужно ее и мамино свидетельства о рождении. Не говоря уже об огромном количестве справок и бу-

мажек. А ехать из-за этого в Иркутскую область, как можно понять, не айс... Конечно, на дворе двадцать первый век, и всё, кроме детей, можно сделать удаленно. Стоило попробовать.

В отделении МФЦ «Мои документы», куда Степаныч обратился со справкой от участкового, девочка посочувствовала, посоветовала оставить заявление, что он и сделал с большой охотой. Вера в то, что всякая бумага будет рассмотрена, еще жила в нем... Но через несколько дней там сидела уже другая девочка. И все началось снова. Из МФЦ его послали в собес, оттуда в пенсионный фонд, потом в ЗАГС и снова в МФЦ. А поскольку даже паспорта у Степаныча не было, круг замкнулся. И главное – с чего начать, было непонятно.

Знакомые, на чьей даче он пытался хозяйствовать некоторое время, попросили его освободить жилье для дальних родственников из станицы Динской, им надо пожить, у них якобы горе...

«А у меня, блин, счастье?! И полные штаны!» – сокрушался Степаныч, понимая, что остался совсем без жилья. Все куда-то катилось, не складывалось. Но еще не отпускала надежда на чудо! Что вот подойдет к нему на улице добрый человек и скажет:

– Виталий Степанович, а мы вас ищем! Все решилось хорошо, пойдете! Мы нашли ваши документы!

Некоторое время он даже вглядывался в лица прохожих, чтобы ненароком не проглядеть того «добротого человека», ес-

ли тот появится. Глупо, конечно, это понятно. Не получилось из Степаныча собачки Хатико. Не дождался он никого. Да и не хотел он такой судьбы...

*Совет: Мужчина, как и собака, без дела грустит и болеет! Поэтому при воспитании овчарок, им дают тапки и говорят: «сторожи!» Дело пустое, никому не нужное, но собака – при деле! И довольна! Так и каждому мужчине в жизни нужны свои «тапки». А будет ли это работа или безобидное хобби – не важно!*

Когда в начале весны город Задонск накрыло жесткое слово «самоизоляция», жить стало совсем невозможно. Если раньше у Степаныча были какие-то планы, и пусть малюсенькие, но надежды сходить в МФЦ или собрать подписи знакомых, которые смогли бы помочь подтвердить его личность, то с приходом карантина все разом рухнуло. На улицах стало тихо и оттого еще холоднее...

Как-то раз, еще в прошлом году, у городского парка всем нуждающимся давали бесплатные супы и гречневую кашу. Это мероприятие широко рекламировалось в прессе и на местном ТВ. Скорее всего, это пиарил себя мэр города, кто знает?. Степаныч еще тогда, будучи «почти научно-техническим» работником, случайно проходя мимо, сказал себе: «Никогда не пойду за подаванием!»

Ха-ха! Кто-то это уже говорил...

*Наблюдение: Спросите человека, что бы в жизни он не стал делать никогда? Вот ни при каких жизненных*

*ситуациях. Послушайте ответ, а потом гляньте на него лет через двадцать. Вот именно ее, эту вещь, он и сделал! Кажется, это Андре Моруа сказал.*

И Степаныч превратился в обычного бомжа. Есть стало банально нечего. И жить тоже негде! При карантине приходилось обходить стороной центральные улицы, чтобы не попать на глаза патрулю. Дворы пиццерий и ТЦ закрыли на ленточки и выставили мордатых охранников. Шариться по окраинам города дело было тоже неблагоприятное, но оставалось только это. Использованных масок в урнах пока было предостаточно, он не гнушался ими. Пока внешний вид Загородного метров за двадцать мог обмануть стража порядка. Издали он еще выглядел прилично.

Пока не совсем порвался пуховик, купленный еще в девяностых. А штаны с лямками, которые он, будучи заместителем начальника лаборатории, «отписал» сам себе, якобы для научных целей, а на самом деле по грибы, служили ему верно. Засаленные до пояса, они со временем приобрели тот трендовый цвет хаки, над созданием которого, наверное, бились десятки европейских дизайнеров.

– Кутюрье отдыхают! – смеялся он иногда. Рецепт был прост: отработанное машинное масло, мотыль, железная стружка, ну и чуток заборной краски!

Летом помогла бы рыбалка. Или орехи или ягоды, например.

«Эх, и грибов-то сейчас нет, март на дворе, а то бы набрал

да пожарил...» – сокрушался он, бредя по какому-то переулочку, погруженный в невеселые мысли о своем будущем.

И тут будущее настигло его само. Из-за поворота показались два кавказца, в которых Степаныч узнал друзей погибшего при пожаре Аслана. Пара секунд замешательства... они переглянулись и, не сговариваясь, молча бросились к нему.

«Пипец, вот попал!» Он развернулся и побежал так резко, как только может передвигаться напуганный до смерти человек. Его не отпустят, это точно! Прикончат прямо здесь или отведут на рынок и там грохнут принародно!

Если бы грузовик для сбора бытовых отходов, так называемая «мусорка», не вырулил перед ним на дорогу, еще неизвестно, встретил бы Степаныч следующий рассвет или нет. Он вскочил на подножку позади кузова, мертвой хваткой вцепился в перекладину автоматической погрузки мусорных контейнеров и зажмурился...

...Чудом избежав горькой участи быть зарезанным друзьями погибшего, Степаныч, в итоге, сейчас медленно брел по огромному пустынному полю на краю города.

## Глава IV

Пустырь, на котором он оказался, был огромный и неухоженный. Слева громоздилась городская свалка, полная бродячих собак и мерзко пахнущих отходов. С другой стороны ворчали мощными дизелями несколько большегрузных фур. Никто не планировал здесь организовывать стоянку, но близость к тракту и не занятое никем место вскоре разведали «рыцари руля» и сделали его своим пристанищем на подъезде к Москве. Здесь можно было заночевать, заняться мелким ремонтом, перекусить. Удобно и платить никому не нужно. Его между собой так и называли: «Задонский».

Издали неясно проступали силуэты нескольких сгорбленных сидящих фигур. Укрывшись с одной стороны припасенным большим фанерным щитом (чтоб ветер не задувал) на импровизированных табуретах несколько человек переговаривались, порой смеялись. Братство руля ужинало. Стол представлял собой лежащую пару колес, накрытую выдавшим виды листом ДСП, с какой-то нехитрой снедью, принесенной каждым на общий стол.

Знаете, дальнобойщик – это не только профессия! Это образ жизни. Все время – в дороге. И поэтому кабина трейлера для каждого из них – второй, а может даже и первый дом. И здесь все должно быть комфортно и уютно! Представьте, что вы неделями находитесь в тесной кабине, следите за дорогой

по двенадцать часов в сутки, пьете, едите тут же. И если это место не будет вам мило и дорого, долго в этой профессии вы не продержитесь.

Свое родное дитя каждый из дальнобойщиков холит и лелеет. Вы очень редко встретите грязную, неаккуратно помытую фуру. Это считается – моветон. Все машины чистенькие, блестящие. А чего только стоит эта любовь украшать кабину множеством разноцветных лампочек, светящихся полосок, трубочек! Вот где – простор для самовыражения.

Конечно, ладанка или оберег другой религии обязателен. Порой в дороге некому помочь, кроме высших сил. А если под тобой не четыре, а двадцать два (!) колеса, или даже больше, любая помощь будет нелишней! И практически у каждого водилы в потаенном месте, чаще всего за солнцезащитным козырьком, бережно хранятся фотографии семьи, любимой девушки или близких людей, мамы, папы, внуков. Эти фото всегда рядом, но, как говорят, не для всех. Они согревают в дороге и напоминают: «Тебя ждут дома! Пожалуйста, будь осторожен!»

Каждый из водил – крепкий хозяйственник, как это модно было говорить когда-то! У каждого своя заграничная горелочка, газбалон, чайник... И приготовление простого бульона для них священнодействие! Ведь это непросто сотворить на стоянке или вообще в поле. Выставить складной столик, разложить «на чистое» продукты, позвать мужиков – это традиция. Вот и сейчас, каждый из них притащил что-то

свое, особенное. Кто – сало по особому рецепту, кто нали-  
вочку. За вечерней беседой никто их них не заметил серой  
тени, медленно проплывшей в сторону фур.

Еле протиснувшись между двух задних бортов (как защи-  
ту от воров, фуры ставят друг к другу вплотную, оставляя  
лишь маленькую щелку), Степаныч отогнул приоткрытый  
полог и нырнул внутрь. Спать хотелось жутко, тело ломи-  
ло... Нервная дрожь от пережитого не отпускала. Две воню-  
чие камеры от КАМАЗа стали мягче перины из сказки про  
горошину. Сон ударил в голову упругой темной волной...  
Спать...

## Глава V

Разбудили его крики на каком-то незнакомом каркающем языке, корейском что ли? Полотно борта дергалось, множество рук вынимало страховочные шнуры, готовя кузов к разгрузке...

«Во попал!» – подумалось с тоскою. Эти маленькие гномы сейчас или наваляют, или в ментовку отведут, скажут, что украл что-то... Встречаться с малорослыми азиатами не хотелось, но...

Несколько пар ног толкало Степаныча, столько же рук тормозило. Видеть что-либо мешали слипшиеся глаза, левая часть тела затекла... Был уже день – блин, сколько же он спал?

– Вот те нате, хрен в томате! – Это подошел водитель.

С трудом разлепив один глаз, Степаныч пытался оглянуться, но тут же получил какой-то грязной тяжелой тряпкой по лицу.

– Тащите его сюда! Эй! Выверните ему ватник! Спер, наверное, что-нибудь! Ты как, паскуда, сюда залез? Я ж сам все закрывал... – негодовал амбал в повидавшем виды белом свитере с цветными оленями (во всех торговых центрах продавали такие года три назад). Местами непрочные китайские узелки разошлись аккуратненькими продолговатыми дырочками, весь свитер был серо-коричневым от дорожных дел,

чистыми оставались только плечи.

Его «некритично», немного лениво, но ощутимо пинали человек восемь и, как свинью загоняют в загородку, пытались выпихнуть из кузова.

Этот белый грязный свитер стал последним, что Степаныч в тот момент запомнил. И еще почему-то врезалась в память табличка с названием улицы: «Средние Каменщики». Еще мелькнула глупая мысль: «Средние – это в смысле не самые лучшие, или, типа, небольшие?» Чушь какая-то! Он свернулся в клубок, стараясь избежать серьезных увечий, прикрыл голову руками и закрыл глаза. Будь что будет!

## Глава VI

Улечка Василевская была существом воздушным. Будучи воспитана в любви и строгости в достаточно богатой даже по меркам Москвы полугрузинской семье с какими-то древними корнями, в свои 26 лет она смотрела на жизнь по-прежнему широко открытыми глазами! Розовых очков у нее не было. Видимо, контактные розовые линзы ей были даны от рождения.

Она умилялась и восторгалась всем! Жалела китов по каналу «Дискавери», большие постеры «Возьми друга из приюта» тут же внушали ей необходимость принести домой беспризорного котенка. В районе Таганки многие знали эту шибетушку и почти все любили ее! Она создавала вокруг себя теплое облачко доброты, в которое хотелось окунуться.

В семье часто ходили разговоры про родство с Великим Вождем или его тестем Сергеем Яковлевичем, но Улечка не особо прислушивалась к рассказам о ветках своего генеалогического древа. Воспитывала ее в основном бабушка, Эмма Яковлевна. Сухощавая, держащая спину так ровно, что не раз у маленькой Улечки закрадывались мысли, что под спину бабушка что-то подкладывает. Возможно, разделочную доску? Всегда в строгом сером платье с воротом стоечкой, в легких позолоченных очках, аккуратная до безобразия, бабушка и Ульяне передала свой перфекционизм, не сумев, впро-

чем, выдать из девочки вселенскую любовь.

Родители Улечки долго жили за границей, там и обрета нежданно свой покой лет пять тому назад... Но, очевидно, финансовый ручеек родительской привязанности был настолько мощным, что Улечка и после их смерти ни в чем не нуждалась.

Надо отдать должное: ни громадная квартира в высотке на набережной, ни несгораемый остаток на ее карте VISA не сделали девушку ни ханжой, ни заносчивой стервой. Раньше школьные улечкины приятельницы очень любили заходить к ним в гости, якобы за «домашкой» или еще какими мелочами... Почти до самого выпускного класса в их доме всегда было много одноклассников.

Их встречали высоченные потолки, отделанная настоящим дубом прихожая с множеством шкафов, в которые удобно забираться при игре в прятки... В квартире царили полумрак и ощущение такой защищенности и спокойствия, что уходить домой никому не хотелось. Особенно с придыханием девочки смотрели на «все 82 платья Эммы Яковлевны», бывшей солистки московского балета, а ныне пенсионерки «со значением». Особой бабушкиной гордостью был громадный альбом, посвященный похоронам ее мужа, Георгия Спиридоновича, кажется, изобретателя «Катюши» или какой-то другой важной военной техники... Ее супруга ценили и нынешние, и почти все прошлые вожди, что реально подтверждалось фотографиями, надписями на венках и

собственноручными подписями.

Темно-пурпурный бархатный альбом вытаскивали из шкафа редко, почти всегда вдвоем, насколько он был тяжел. В основном в моменты, когда бабуле хотелось повспоминать и притворно погрузиться о былых временах. Эмма Яковлевна сама назначала, какую страницу открыть и чей некролог прочесть. Несомненно, она знала все слова наизусть, так как провожал мужа в последний путь еще «сам Ленечка», как мило называла тогдашнего вождя бабушка. За много лет альбом изучался не один десяток раз!

Затем девочки рассаживались за большим овальным столом, перед громадным фарфоровым чайником и совершенно прозрачными, казалось бы, на просвет китайскими чашками. И пили чай с печеньем курабье. Эмме Яковлевне оно очень нравилось. А Улечке нравилось ходить в кондитерку и говорить:

– Пару килограммов курабье, пожалуйста! Сегодня оно достаточно рассыпчатое? Вы знаете, бабушка так его любит... – Все эти милые дела доставляли Улечке удовольствие! Ей было все равно, сыпется это печенье или нет. Главное было – выполнить бабушкину просьбу.

Окончив школу, Улечка, по совету и настоянию бабушки, поступила на факультет журналистики МГУ. Конкурс прошла достаточно свободно. То ли баллов хватило, то ли несколько очень представительных молодых людей с депутатскими значками, навещавших Эмму Яковлевну как по

расписанию, раз в две недели, замолвили словечко, это уже неважно!

Имея нежный, милый голосок, Улечке особенно было приятно на вопрос об учебе мурлыкнуть: «ЖУРФАК МГУ». Хотелось даже мяукнуть в конце разочек! Она выросла умничкой, училась хорошо. Одевалась неброско, но всегда стильно. Даже с другой стороны улицы «тем, кто в теме» было видно, что шпильки у нее – настоящий Hermes. А когда, придя в кафешку, она небрежно кидала на кресло кашемировое пальтишко от Bottega Veneta, рядом сидящие матроны могли бы подавиться от зависти!

Улечка отнюдь не была домашней затворницей или синим чулком. Не стоит считать ее домашней букой или заучкой. В свое время были и клубы, были и мальчишки. Ее любимым клубом было заведение с гордым названием «Министерство». Там все-таки, в отличие от других мест, было какое-то благородство, что ли, и в охранниках, и в посетителях, если в принципе для таких заведений применимо это слово...

Как-то раз они с подружками решили «оторваться по полной», бесшабашно и по-взрослому. Выбрали для этого знаменитую тогда «Голодную курицу». Но через час выбежали наружу, плюясь и не понимая, до какой степени люди могут быть «недалекими, развязными и несдержанными» (мягко сказано)!

А вот в любви и романтике нашей девочке не везло... Хо-

тя она была такая же прелестная и юная, мальчики больше обращали внимание на ее подруг.

У Ульяны был постоянный мальчик, Паша. Но отношения с ним были какие-то вялые, абсолютно без искорки. Как у двух рыбок в аквариуме. Встречались раз в две недели. Бабушке он всегда дарил ее любимое печенье курабье и цветы, Ульяке просто цветы. Вежливо спрашивал бабушку о здоровье, ее – об учебе. Потом были клубы, загородные поездки, секс, конечно. Но все это было какое-то пресное. Как по заранее разработанной программе.

И когда однажды в загородном парк-отеле Улечке так было уютно, что она попросила остаться на денек, Паша с каменным лицом произнес:

– Прости, дорогая, я рассчитывал именно на этот срок! У меня учеба и неотложные дела. И тебе надо подумать об учебе!

Что тут скажешь? Но Ульяка еще тогда подумала: «Во сухарь!»

Как-то с девчонками после очередной успешной сессии они полетели в Дубай в какой-то навороченный отельный комплекс с каналами, лодочками, накрахмаленными официантами и действительно высокой кухней. Там познакомились с группой молодых людей очень приятной восточной наружности. И все внимание почему-то опять было уделено ее подругам: Янке и Оксанке... До слез обидно! Ульяка потом в голос рыдала, когда выяснилось, что один из парней оказал-

ся королем (Блиииииииин!) какой-то азиатской страны! И вскоре предложил Оксанке руку и сердце. Правда, потом они развелись, но на тот момент Улька сквозь слезы причитала:

– Вот жизнь! У Оксанки – король, я у меня – замороженный Паша!

Но потом, подумав, перестрадав это событие, она решила, что все-таки, пусть не король, но выйдет замуж она только по любви! И чтобы земля из-под ног уходила! Пусть не сейчас, но само все придет.

Одним словом, к середине четвертого курса Улечка выросла приятным неиспорченным ребенком (читай: довольно красивой и скромной девушкой) со своими маленькими, никому пока не мешающими, тараканами в голове, готовая броситься накормить всех детей где-нибудь в Центральной Африке.

Естественно, в момент, когда вся страна зарылась в норки, пытаясь защититься от такой неожиданной и опасной «чумы с приставкой -19», Уляша, естественно, пошла в добровольцы, несмотря на сильные протесты бабушки.

Слова: «Милочка, давай будем помогать близким людям в отдельно взятой квартире, в крайнем случае на лестничной площадке», не остановили ее. Ряды волонтеров пополнило милое создание, одетое на USD 3000, которое носило пенсионерам Таганского района продуктовые наборы на USD 20, и это было ей приятно!

Стоя за получением заказа среди восточных ребят с жел-

тыми коробками на спине, которые безуспешно пытались их пристроить, никого не ударив, и таких же, как она, верящих в добро молодых людей, Улечка искрилась от счастья, что она кому-то поможет.

И конечно, кроме «несения добра в массы» ей важно было иметь заветный пропуск! Юная непоседа не могла усидеть дома, ей становилось душно! С начала карантина они с бабушкой уже сто раз разобрались в гардеробной, переложили старые фотографии, отделили банки под «закатку» от закручивающихся банок, то есть переделали кучу нужных и полезных вещей. Но птичке грустно сидеть в клетке.

Улечка раньше любила гулять около дома, где всегда были мамы с колясками, бабушки, кивками головы провожающие ее: «Хорошая девочка, побольше бы таких». Частенько забираясь в самые глухие уголки Нескучного сада, она любила сидеть и смотреть на Москву-реку. Птички поют, милота всякая! Одним словом, дома ей было не усидеть!

А волонтерская «корочка» открывала перед нашей добровольцей практически «все двери», а точнее, улицы и парки, по крайней мере в пределах района. Дальше уходить она сейчас опасалась. Конечно, такую милую прелестницу трудно представить в цепких лапах полицейского наряда! Практически все проверки заканчивались добрыми мечтательными улыбками стражей порядка, смотрящих вслед уходящей маленькой принцессе.

Необходимость ношения маски, правда, очень напрягала.

Да-да! Она, конечно, понимала, что все это – необходимые процедуры и что это защищает и предохраняет... Но кожа на личике была такая нежная! И даже когда меняла маски, как всякая начинающая перфекционистка, достаточно часто, порой легкое покраснение напоминало ей о чужеродном предмете.

И еще один аспект был также немаловажен! Она – девушка! Она была красива и заслуживала быть желанной для взглядов противоположного пола! А быть, КАК ВСЕ, В МАСКЕ? Как же он, единственный, тогда узнает ее? Да, глаза зеркало души, бла-бла-бла, но все остальное тоже хотелось бы явить миру!

Раньше в метро Улечка любила, опустив личико и уткнувшись в пушистый ворот легкого кашемирового пальто, тихонько наблюдать за взглядами мужчин. Сальные зовущие взоры стареющих ловеласов с брюшком она отсекала сразу, ей становилось неуютно, как будто ее прилюдно раздевают. А вот восторженные взгляды молодежи ей льстили! На улице она никогда не знакомилась, конечно. Но даже спиной ощущать свою привлекательность – это кайф! По телу разливается тепло, и становится так уютно и мило... Ах!

К сожалению (или к счастью), пока ни один «принц Грей» не тронул ее юное сердечко. Алые паруса были пока за горизонтом.

Надо сказать, молодые люди сейчас какие-то все, как на половинки разрезанные. Надо составлять из них что-то до-

стойное, может, одного из троих... Или нетрадиционный, добрый и милый, как подружка. Или хорош собой, строг и опрятен, но у него одни индексы Доу Джонса в голове и он строит свою жизнь по своему неведомому плану. Пентхаус, окна в пол, личный самолет (пусть вертолет), потом уже, наверное, он будет кого-то искать!

Улечка не хотела быть «кем-то»! Она хотела быть единственной и желанной! Таковой она и была, кстати, для целой кучи молодых воздыхателей, но почти все они почему-то напоминали того бедного поэта, который «продал свой дом и кров», накопил на одну розу и выучил «с милым рай и в шалаше». Да, в шалаше тоже интересно! Пару дней, и если это пикник. Мужчина должен развиваться, стремиться к чему-то, а эти Пьеро сами на себе поставили клеймо неудачника, не сотрешь...

Наглючие пикаперы и качки ее вообще бесили. Только себя и видят, даже когда на тебя смотрят. Две мысли в голове видны, как в аквариуме. Покорить – раз! И «куда деть, когда надоест» – это два! Фу, пакость какая!

Ой, сколько же мыслей в голове у молодых девушек!

И вот наше милое воздушное создание, улыбаясь всему на свете и радуясь, что денек такой хороший, хотя и зябко, медленно двигалось по тротуару, обходя лужицы и наблюдая за тем, чтобы ее замшевые полуботиночки, подаренные бабушкой, не потемнели от влаги.

*Совет: покупайте замшевую обувь, только если вы*

*безумно аккуратны!*

Длинная блестящая красная кабина фуры перегородила тротуар. Немного поворчав на такого неаккуратного водителя («Мы же ходим здесь!»), она обошла авто и вдруг услышала возню и крики. Куча так называемых работников склада супермаркета пинала ногами какой-то темный предмет, похожий на мешок. А руководил и подбадривал огромный дед в сером грязном свитере с оленями. Он напомнил Улечке Алешу Поповича из мультика. Такой же здоровый, а ума не нажил!

Серый мешок зашевелился, застонал, и Улечка увидела, что пинают они средних лет дядечку, сжавшегося калачиком и пытавшегося свернуться как бы в кокон, хоть как-то стараясь защитить себя от побоев.

– Прекратите сейчас же! Что вы делаете! Он же живой человек, нельзя так! – Улечка бросилась в атаку...

– Иди, милаха, без тебя разберемся! – буркнул мужик, наступая на нее, как бы пытаясь своими грязными пятнами на свитере загородить от девушки происходящее. – Пойман вор, сейчас вызовем полицию, идите, девушка, – уже смягчившись, произнес он, разглядев миловидную фигуру и, наконец, подумав, что лучше не связываться.

Не тут-то было!

– Но так же нельзя! Он живой человек! – Щечки покраснелись, маска съехала набок, Улечка вся дрожала. – Отпустите его немедленно!

Она решительно двинулась вперед, отодвинув водителя, по ходу всучив ему пакет с доставочными продуктами.

– Уважаемая, мы лазбелемся, – на плохом русском произнес один из восьми одинаковых супермаркетовских гномов, пытаясь утащить поникшего мужчину куда-то вглубь двора.

Рабочие и правда выглядели гномами или смурфиками, все в одинаковых голубых комбинезонах, кепочках и масках. Но действовали на редкость проворно и организованно. Почему-то Улечке вспомнилась передача «Мир наизнанку». Там где-то в Корее, кажется, утром много-много людей делали зарядку одинаковыми движениями... Как муравьи, промелькнуло у нее. От них пахло чем-то чужим. То ли жареной селедкой, то ли нездешними специями, но Улечке вдруг стало душно в этой толпе.

Она вспомнила и выкрикнула спасительное слово:

– Дистанцирование!

Гномы опешили и отступили. Видно, инструктажи по мерам против пандемии проходили часто.

– Уважаемая, успокойтесь! Мы обнаружили в кузове вора, возможно, он что-то украл, разберемся, – уже медланно, с расстановкой, низким, с хрипотцей, и легким окающим акцентом повторил водитель.

– Даже у виноватых есть права! Я позвоню в полицию! – Улечка имела маленький, но позитивный опыт общения с полицией и была уверена, что все служащие – милые и приветливые люди.

– А вот этого не надо! – протянул к ней руку водила, видя, что она вынула телефон из кармана. Широкая пятерня, неаккуратные грязные неровные ногти, мозоли на ладони... Она содрогнулась.

– Не смейте! Вы нарушаете закон! – кричала она, сама не понимая, какой закон, лишь бы говорить, лишь бы делать что-то.

Смурф-группа сомкнулась, загородив собою то, что было, по ее мнению, человеком, имеющим права, и стала вытеснять Улечку к выходу с парковочного блока. Она зажмурилась...

– Стоять всем! – оглушил ее чей-то голос. – Стоять, я сказал, зулусы, и не двигаться!

– Простите, не знаю, как вас по имени-отчеству... – Огромный детина охранник в идеально сидящем черном комбинезоне, к слову говоря, не стерший громадными бицепсами своего интеллекта, возвышался на пандусе. Черное кепи и черная многоразовая маска делали его похожим на американского ниндзю.

Монотонным заученным голосом он продолжил:

– Простите, если эти люди причинили вам неприятности. Они не являются постоянными сотрудниками магазина, работают по разовым трудовым договорам и будут строго наказаны. Нам бы не хотелось, чтобы этот незначительный инцидент наложил тень на репутацию нашего супермаркета. Разрешите нам разобраться в ситуации. – Пож-жалуйста... – на-

последок выдавил он из себя. – Мы очень уважаем вашу бабушку, всю вашу семью и всех ваших друзей и очень надеюсь, что это маленькое недоразумение не выйдет за рамки этого места. Поверьте, мы сделаем все возможное.

Таким же голосом он бы, наверное, мог рассказать о реакции папаверина гидрохлорида с азотной кислотой, без тени и признака чувств... Как говорящий шкаф!

Но слова сказаны, Улечка успокоилась, выпрямила спину и уже более уверенно сказала:

– Я видела, что вот эти люди избивали человека, даже не узнав, в чем его вина.

– Повторяю, они не являются работниками супермаркета, – опять подал «шкаф» голос, быстро перемещаясь в сторону водителя. – Ты водила? – Он подошел к водителю.

– Он спал в кузове, забрался еще в Задонске, наверное, я и не заметил... Наверняка спер что-нибудь!

– Ага, и сожрал твои таблетки для посудомойки по дороге. Дуру не гони! Что пропало?

– Да вроде ничего, – развел руками водитель. – Не смотрели пока!

– Ну и гоните его в ш... – Охранник осекся. – Отпустите этого... гражданина. Вышло недоразумение! – решительным тоном приказал он.

Водила попятился:

– С чего это вдруг?

Гора бицепсов переместилась к водиле, Улечка едва рас-

слышала их разговор...

– Слышь, ты, драйвер, сертификаты свои липовые на оргхимию проверял? Ты хочешь, чтоб я это сделал? Или тебе припомнить, что ты в зону ТТК только благодаря нашим пропускам едешь? Делай что говорят! Это знаешь, кто? Ты ошибиться крупно хочешь?

Он повернулся и изобразил полную доверия улыбку аллигатора. Его примеру попытался последовать водитель, чуть даже наклонился вперед. Улечка чуть усмехнулась, но ей стало грустно.

Они с бабушкой регулярно посещали этот магазин, «Любимый», кажется, называется. Их всегда сопровождал один из тех приветливых молодых людей со значком флага России на пиджаке, что приходили к бабушке. Их всегда очень мило принимали и обслуживали быстро и учтиво. Молодой человек даже сумочку донес до двери, такой любезный. Улечка еще подумала: какие вокруг вежливые люди... Вон оно как...

«Ну ладно, – подумала она. – Раз я такая важная персона, поговорим по-другому!»

– Уважаемый представитель службы безопасности! Настоятельно прошу отпустить этого человека или при мне вызвать наряд полиции, пусть они разбираются, – почти торжественно произнесла она, сделав шаг вперед.

– Отпустите этого... гражданина, – процедил охранник гномам. Те выпустили полы чего-то, что, по всей видимости,

раньше было курткой. И, отойдя в сторону, как ни в чем не бывало начали кантовать ящички и коробочки, которые из-за их возни валялись где попало.

– Поднимите его, пожалуйста!

– Вставай, гражданин страны советов! – Охранник легким движением поставил на ноги невысокого худощавого дядечку в штанах на лямках и порванной пуховой куртке, грязного и настолько похожего на больную собаку, что Улечка едва не расплакалась.

Охранник отошел, брезгливо взглянул на руки, прикасавшиеся к мужичку. Сплюнул и обтер ладони об спину ближайшего гнома. Тот дернулся.

– А ну ц... – Гном поежился и тихо ждал, пока охранник не закончит. – Привет бабушке! – Он удалился.

Из приоткрытой двери подсобки за происходящим наблюдал, наверное, весь персонал бухгалтерии и товароведов. До них было далеко, но Улечка могла поклясться, что слышала общий вздох облегчения.

Улечке вмиг стало как-то очень просторно и легко дышать, как будто открыли невидимые окна. Водила вдруг нашел что-то очень важное под задним колесом и, наклонившись, делал вид, что сильно занят, стоя чуть не на коленях, искоса глядя в их сторону.

Улечка впервые ощутила, каков он, запах свободы! Это была ее первая, хоть и маленькая, но победа! Ты победил, когда можешь спокойно дышать полной грудью.

– Уважаемая!

Улечка вполоборота повернулась. К ней семенил водитель, держа далеко впереди почти на вытянутых руках сумку с продуктами для доставки.

– Сумочка ваша вот...

Надо же, он даже ручки пакета придержал двумя руками, чтобы Уле удобней было его перехватить. Прямо как Барбос в мультике – «вот это воспитание!»

– Благодарю! – Она забрала пакет и резко отвернулась. Все! Закрыли гештальт! Так учил ее психолог.

*Совет: не оставляйте в прошлом недоделанных дел, незавершенных разговоров, моральных долгов. Гештальты должны быть закрыты!*

Улечка двинулась вдоль дома. Ее, шаркая по остаткам снега, догнал мужичок. Какое-то время они шли рядом. Она старалась идти медленно, потому что спасенный еле плелся. На нем были какие-то несуразные боты типа резиновых калош. У уборщицы на даче были такие, но ведь это для огорода, подумала она, по улице разве можно в них шлепать?

– Рассказывайте! – требовательным голосом отличницы почти приказала она. Победа придала ей сил.

– Спасибо вам огромное! – промямлил мужичок.

«Странно, он без маски», – подумала она

– Где ваша маска? Вас задержат! В Москве нельзя без пропуска.

– В Москве? – Владелец резиновых бот аж присел и

оглянулся вокруг. Казалось, только сейчас он увидел сталинские многоэтажки и Москва-реку вдали.

– Ой, бли-и-и-и! Простите, я случайно оказался в кузове машины... заснул. Я сам из Задонска. Это город такой под Тулой.

– А зачем ночевать в машине? Как вас зовут? Меня Ульяна! – Она было хотела протянуть руку, но, глянув на него, передумала. – Простите, надо соблюдать дистанцию. Так как вас зовут?

– Степаныч! Виталий Степанович! А в машине... Так получилось, я не хотел.

– Очень приятно! Простите, я спешу, я волонтер, и моей доставки ждут люди вон в том доме. А вам надо, наверное, вернуться в свой город, здесь сейчас очень строго. Не знаю, правда, как. Вот вам деньги! Немного, но должно хватить на электричку или автобус. На чем вы ездите?

Она протянула пятисотрублевку.

– И не надо так больше делать. Они могли вас покалечить... До свидания! – Она, уже уходя, оглянулась и, наклонив головку, вполголоса нараспев передразнила: – Степа-аныч!

«Во попал! Блин, мало того, что в Москве, да еще не знаю, где в Москве и как выбираться... На вокзал? Да, наверное! Вот попандос!» – оставшись один, сетовал Степаныч, когда вдруг увидел подбегающую к нему Ульяну.

– Как же вы на автобусе поедете? Не пускают же, вы в по-

лицию попадете! Знаете что, возьмите такси. Это, конечно, дорого, потом отдадите, со временем.

Незнакомая синяя бумажка легла в руку.

– Это что?

– 2000-рублевая купюра. Их не любят в Москве, а вам-то все равно. Я бабушке кремов обещала, потом куплю.

– Но я не могу, это большая сумма!

– Разбогатеете – вернете, я живу в высотке на Москве-реке, знаете у бункера № 43 сталинского? Ах да, вы же не местный! – спохватилась она

– Бункер знаю, да-да... – Степаныч зачитывался хрониками о разных лабиринтах и подземных ходах еще с детства, а про бункер № 43 даже в техникуме доклад делал.

– Меня там все знают, скажете – к Ульяне! Только не заходите с главного входа, там охранники строгие. Сбоку еще есть один подъезд. Там бабушка вахтерша, баба Надя! Скажите, что вы 149-й принц! Она пропустит! – Она звонко рассмеялась, и каблучки застучали прочь.

Улечка летела как на крыльях, и ощущение того, что она помогла человеку, что она умничка, было таким сладким! Так ведь и должно быть?

## Глава VII

Степаныч в растерянности стоял среди высоких незнакомых домов. Где-то вдали гудела автомобильная пробка. Нестерпимо хотелось есть и пить, во рту пересохло, в голове шумело...

«Москва, милочка, столица...» – вспомнились слова из известного фильма. Медленно, осторожно, пригибаясь и оглядываясь, как бездомная собака, он двинулся в сторону потока машин. Пробка оказалась банальным ДТП. Какой-то умник на «газели» решил повернуть не из того ряда, ну и зацепил иномарку. Шло ярко выраженное выяснение отношений между водителями, «кто из них и почему купил права». Степаныча они мало заботили, но привлекали к себе внимание проезжающих, а ему это было совсем неинтересно.

У светофора между рядами машин ходил краснорожий оборванный натуральный дед с палочкой, протягивая руку к каждой машине.

Логично, подумал Степаныч. Пробки помогают нищим просить денег.

Вот ты – водитель. Стоишь, пока светофор «красный». Подходит замурыженный мужичонка и тычется грязным пальцем в твое помытое недавно авто – типа, «уважаемый, дай вам бог здоровья, не поможете десятью рублями?» И лучше, наверное, отдать «десятку», чем видеть через стекло

сморщенное грязное лицо какого-то нищелюба. Такого же, как я, наверное, с тоской подумал он.

*Совет: слово «уважаемый» уже не действует – с тех пор как им стали пользоваться наши азиатские гости, оно стало звучать как издевательство. Я попробовал «благородный господин». Прокатило! Только надо выбирать, кому говорить. Ищите новые слова! Они помогут выжить.*

На другой стороне дороги он увидел витрину «ПРОДУКТЫ» и поспешил к ней.

Взять чего-нибудь перекусить. Деньги, зажатые в руке, для него были громадные, но опыт последних месяцев научил его, что расходовать надо с умом. Еще жить как-то надо, и неизвестно, когда еще такой ангел появится! Воспоминание об Ульяне теплотой прошло по всему телу. Милая девочка! Глупая и добрая! Эх, таких сейчас не делают!

Магазинная команда была разношерстная и юркая... На него посмотрели искоса, но не враждебно. «Или бомжи для них – обычное дело?» – удивился Степаныч.

Быстро осмотрев возможные покупки, он пришел к выводу, что московские цены – кусачие... Выбрал паштет за 22 рубля (ха-ха, гусиный), пачку чипсов по 13 рэ с запахом мяса и шкалик самой дешевой водки, лишь бы согреться... Ночь, проведенная в кузове, не прошла даром, тело знобило. Морозец все-таки ночью был. И как он умудрился все проспять и не заметить, как фура поехала? Видно, усталость послед-

них нескольких дней под конец дала себя знать!

– Маску наденьте, пожалуйста, – заученной скороговоркой произнесла продавщица. Маленькая, пухленькая, наверное дочь хлопкороба, она смотрела на него испытующе.

Елки-палки, маска! В суматохе недавних событий он совсем забыл про этот, ставший необходимым и модным, атрибут.

– Девушка, простите, я забыл...

– Ага, в «мерседесе» оставил, – съязвила она, чувствуя превосходство продавца с медкнижкой перед грязным дядькой с набором продуктов типичного алкаша. – Можно купить у нас, семь рублей.

– Да-да, давайте, конечно!

«Вот опять ни за что платишь, все равно одноразовая же!» – зарычал он про себя. Обидно было не за семь рублей, а за то, что вот так потихоньку утекает ручеек нежданно свалившегося на него богатства...

– Карта магазина есть? Наличные, карта? – опять же скороговоркой вопрошала она.

«Издевается, что ли?» – подумал он.

– Нет, наличные.

Касса звонко пикнула, в руке Степаныча оказалась куча разномастных купюр с горстью монеток. Рассовав по карманам скудное подобие завтрака, зажав в кулаке сокровище сдачи, вышел из полуподвала магазина на улицу. Жутко хотелось просто сесть, отдохнуть, ноги дрожали. Надо было

найти укромный уголок, где бы можно было спокойно перекусить.

– Эй, парниша! – услышал он хриплый пропитый бас. Лучше не оборачиваться, мелькнула мысль, но за рукав его уже держал амбал на голову выше его. Тельняшка и выдавший виды спортивный костюм грязно-зеленого цвета, растегнутый пуховик и спутанная борода...

Глаза амбала слезились и краснотой своей выдавали представителя такой те, как и у Степаныча, «профессии». Бомж!

– Да, да, тормозни, любезный! – пробасил амбал.

– Отпустите, в чем дело? – пытался отговориться Степаныч, пряча в карман деньги. Пара монеток упала на мостовую и покатила под горку. Он было дернулся за ними, но рука держала крепко.

– Уважаемый! Ты берега попутал? – Опять это ставшее издевкой слово «уважаемый».

К ним подходил, видимо, дружок верзилы, в таком же примерно прикиде, перепоясанный желтым военным ремнем. Степаныч видел такие по телевизору на парадах.

– Серый, что, опять залетный дружок? – прогнусавил он.

– Разберемся! – Они лихо взяли его под локти и повели, почти потащили за угол светло-зеленого дома. Здесь видна была широкая дорога, сновали редкие машины, и никого из прохожих.

Степаныча притерли к крашеной облезлой стене и зажали руки у локтей.

– Кепа, карманы! – резко скомандовал Серый, беря одной рукой ладонь Степаныча и разворачивая ее к себе.

– Оба-на! Денюжки! Бабульки! Баблосы! Богатенький бургатино... – Бугай медленно разжал пальцы Степаныча, который попытался вырваться, но тут же получил от бугая головой в нос, ударившись затылком о стену дома. Во рту стало противно солоно, сознание путалось.

– Отличненько! – рассмеялся Серый, заветные бумажки перекидывали к нему в карман.

– Что там, Кепа? – повернулся он к дружку.

– Водяра «Старорусская», дерьмовая, паштет, который мы вчера пальцами хавали, и чипсы эти долбанные, уже жрать их противно!

Видно, компания столовалась в этом магазине давно, раз на первый взгляд сумела определить качество всего купленного, мелькнула мысль у Степаныча. Местные! Это стопудово скверно!!!

Про то, что все районы в городах поделены и нельзя просто так прийти и встать на улице с протянутой рукой, Степаныч догадывался. И что чужаков не любят и в лучшем случае бьют и обируют, тоже. Вот это тот самый расклад!

– Значит так! Минута тебе – и мы тебя больше здесь на видели! Понял?! – зарычал Серый, еще больше вдавив Степаныча в стену.

– Еще раз попадешься – встретишься с праотцами, – загоготал Кепа. Видно, ему самому понравилось услышанное

где-то выражение, и он был рад, что можно его ввернуть в разговор.

– Все, вали отсюда! – Серый толкнул Степаныча вдоль стены к тому месту, откуда они пришли, повернулся, и они с Кепой побрели за угол.

Не осознавая, что делает, Степаныч бросился за ними.

– Отдай деньги, гад! – зарычал он, вцепившись двумя руками в толстый рукав куртки Серого, тряс ее, пытаясь добраться до того кармана, где исчезла его наличность.

Кепа развернулся и неожиданно ловко ударил его в живот. Дыхание остановилось. Загородний стоял, хватая ртом воздух, еще не отпуская рукав куртки... Удар мощного колена в грудину (блин, Серый каратист, по ходу!) отбросил Степаныча на газончик, где он упал в серую грязь, по-прежнему пытаясь вдохнуть.

Грязное колено уперлось в грудь, и Серый навис над ним всеми своими, наверное, 120 килограммами. Давил к земле и шипел: «Ты что, сявка, не понял? Ща расскажу...» Мощные, похожие на ковши экскаватора, руки потянулись к горлу Степаныча.

Сирена полицейской машины тихо твякнула один раз, но этого было достаточно, чтобы Серый ослабил хватку, а Степаныч смог глотнуть чуть воздуха.

Авто ехало по проезжей части медленно. Останавливаться, чтобы тратить время на такую мелочевку, стражи закона не собирались.

Степаныч повернул к ним голову, пытаясь что-то сказать...

Молодой полисмен погрозил пальцем, Серый в ответ погoblinски широко улыбнулся, приложил руку в дырявой шерстяной перчатке к воображаемому козырьку и отчеканил: «ЙЕС, СЕР»! И встал на ноги.

Сирена твякнула еще раз, как бы говоря: «Не шалите, ребята, без вас дел полно», и авто, набрав скорость, скрылось за поворотом.

– Серый, пошли! Залетим с этим бараном, оно нам надо? – тянул за рукав Кепа. – Хавка есть, бухарь есть, и штукарь – братве вечером долю отдадим, сегодня гуляем! Не надо у этих пидоров на перекрестке денег шибать! Ненавижу гомосятину!

– Ладно, зови Деда, по ходу все равно с такой рожей он там ничего не заработает.

Наверное, речь шла о старике с палочкой, которого раньше на перекрестке заметил Степаныч.

«Как все слаженно», – подумал он. Один ходит, двое пасут. Блин, а это ж бизнес! Сколько перекрестков в Москве! Как сказал Глеб Жеглов: «Это ж Клондайк!»

Серый достал из кармана мятую пачку сигарет, закурил. Золотая «Ява», заметил Степаныч. Сам он не курил, но знал, что такие сигареты в его Задонске считались шиком. На рынке их мало кто курил, только Карим, кажется. Привычка анализировать иногда вытаскивала из памяти такие подробно-

сти, что Степаныч сам порой удивлялся.

Кряхтя, он сел. Весеннее месиво газона обляпало ему руки и затылок. Плюнув на руки, растер, пытаясь убрать грязь.

– Слышь, Серый, я не уйду, – произнес, глядя на ладони.

– Чевоооо?! – аж поперхнулся тот цыгаркой.

– Не уйду. Некуда мне... Я не хотел. Случайно здесь, так получилось.

Подошли Кепа и старик.

– Оте вам! Понесло кобылу в щавель, – засмеялся дед.

На удивление белые и ровные зубы заблестели. – Еще один любитель легкой наживы объявился!

Видно, Кепа по пути успел рассказать ему о пришлое жу-жаке.

– Давай чеши в свое Бирюлево, или откуда ты там вылез! – загоготал дед, слегка пихнув Степаныча ногой, как бы призывая убираться в какое-то неведомое Бирюлево.

– Сказал – не пойду, отвяньте! – решительно сказал Степаныч. – Можете бить, чё вам еще стоит разок? Деньги отобрали, хавку отобрали! Суки, как будто вам жрать никогда не хотелось! Твари!

– Кто тварь, кто тварь? – петушком подлетел к нему Кепа.

Но Степаныч уже встал. Ростом он был повыше Кепы и в плечах пошире. Кепа в нерешительности посмотрел на Серого.

– Ладно, слышь... пошли побазарим... – Серый махнул в сторону дома. Там виднелись какие-то бочки и кривая вы-

веска заведения. Троица двинулась, Степаныч, спотыкаясь, побрел за нами.

Кафе «Авангард», наверное, было единственным в своем роде заведением, целью которого было привлечь малобюджетных клиентов. Да и кафешкой его можно было назвать с огромной натяжкой. Зарешетчатое маленькое оконце в зеленой стене дома, черная, неаккуратно покрашенная дверь; за мутноватым стеклом виднелись три-четыре стула, стойка с разливным пивом и куча пакетов сухариков на стенах.

На тротуаре рядом располагалось «чудо авангарда»: четыре покрашенные в черный цвет и перевернутые металлические бочки, типа столы. И три пластиковых ящика, которые, по всей видимости, должны обозначать стулья. Кто и как разрешил открыть здесь этот бомжеприют, оставалось догадываться. В итоге в центре Москвы, в десяти метрах от Садового кольца, образовалось уютное местечко! Прямо на заднем дворе старого шестиэтажного здания.

Местные старожилы поговаривали, что это бывший доходный дом. Единственный в Москве, построенный крестьянином Зуевым, что ли, в 1915 году, что подтверждалось огромными цифрами на облупившемся фронтоне. Вот те на! Крестьяне раньше, оказывается, дома строили! Тут же шумело Садовое кольцо, как раз в том месте, где машины ныряли в тоннель под Таганскую площадь.

И вот в этом оазисе спокойствия какие-то молодые бизнесмены и решили открыть этот то ли притон, то ли трактир,

непонятно. В любом случае, посетителей было немного, и все – свои. Дешевое пиво, одноразовые стаканы...

Сейчас, по причине всеобщего хаоса самоизоляции, заведение было закрыто, но еще виднелась криво выведенная мелом надпись на черной доске: «Третье пиво – бесплатно!»

Неумело скопированный стиль европейского паба и дешевая выпивка, наверное, могли привлечь лишь «менеджеров среднего звена» из ближайших офисов, которым было приятно пожаловаться друг другу на жизнь.

Как в том анекдоте, где мужики сидят, пьют, и каждый говорит: «А у меня в жизни такая жопа!»

Все купленное богатство Степаныча перекочевало на одну из бочек. Кепа заботливо открыл баночку с паштетом. Вынув из недр своего одеяния, наверное, трехлетнюю одноразовую вилку, воткнул ее в серокоричневую массу, названную «паштет гусиный печеночный».

Вскрыл чипсы, из щели между стеной и доской объявлений достал одноразовую пластиковую тарелку (запасливые, блин!) и сыпал на нее содержимое пакетика.

– Пальцами не жрать, подковыривайте чипсиной, и – в рот! Мы – культурные люди!

Разномастные стаканчики были у всех припрятаны в полах одежды. Серый разлил чекушку в три стакана, немного оставил в бутылочке и протянул Степанычу.

– Ладно, будем! – крикнул Серый, подняв стаканчик. Потом резко повернулся к Виталию и быстро, негромко, но зло,

произнес: – Про бабки забудь. Нет их уже для тебя, всё! И не делай мне мозг, понял?

И выпил. Как будто его слова должны были стать окончательным решением.

Кепа прохрипел: «Эх, бодряжена водочка, если б не халява, не стал бы употреблять».

– Как звать-то? – спросил Серый, утеревшись рукавом.

– Виталий Степанович, – смутился Степаныч. Он никогда не любил имя Виталий, оно казалось ему детским и каким-то слюнявым. – Степаныч! – тверже произнес он.

Кепа пузатой, похожей на маленькую сосиску, чипсиной залез в банку с паштетом, покрутил там, зачерпнул серую массу и сотворил что-то вроде маленького эскимо. Забросил в рот и зажевывая, заржал:

– Привет, Виталик! С прибытием в столицу нашей Родины! – Крошки из его рта полетели на штаны Степаныча. Тот невольно поморщился.

– Ну, рассказывай, – усмехнулся Серый.

И он рассказал. Все-все! Наверное, уже давно ему хотелось кому-то высказаться, поделиться всей горечью и безысходностью. Но никогда он не думал, что первыми и самыми благодарными слушателями станут трое московских бомжей.

Слушали тихо и внимательно. Кепа порой вставлял: «Ну ты лоша-а-ара!» Или: «А вот это ты зря сделал!» Старик лишь криво усмехался и молчал. Серый, казалось, не слушал

его, задумчиво глядя куда то в сторону Москвы-реки. Очевидно, история была им не в новинку, у каждого были свои скелеты в шкафу... И все они сейчас как бы прогоняли ситуацию через себя и думали, как бы поступили они.

– Да, мужик, ты попал! – в конце рассказа произнес Серый. – Что делать будешь?

– Не знаю. Домой, наверное.

– Нет у тебя дома, зайка! – засмеялся было Кепа, но старик толкнул его локтем, мол, успокойся.

– Пару дней можешь с нами покантоваться, а потом двигай к себе. Нас и так многовато будет, – подытожил Серый и привстал. – Ну что, шифтеры, тронулись? Темнеет уже, можно на базу!

Он оглянулся на старика:

– Скока бабла поднял?

– Да какое там! Все сидят как прикованные, даже в машинах в масках. Дурачки!

– Штукарь возьми, метнись, отдай, кому надо, а то завтра хрен постоим здесь!

Старик исчез. Все стали подниматься с ящиков, прихватывая с собой нехитрые пожитки. Степанычевы покупки были отобраны, съедены и выпиты. Дед вернулся всего через пару минут, и они тронулись.

Шли вдоль эстакады, шурясь от сильного ветра и поглядывая на редкий поток машин, который, как чудо-юдо, с одной стороны глотал, с другой выплевывал Таганский тоннель. Ве-

черело... Потом они, казалось, долго брели вдоль одинаковых высоких фасадов зданий из красного кирпича.

«Улица Гончарная, – прочитал Степаныч. – Красивое название!»

Дома в районе Таганки строились добротны. Большие зеленые дворы, громадные арки на входе с гипсовыми львами. И тогда и сейчас жили в них люди в основном непростые: художники, архитекторы, научные работники. Сколько уже лет прошло, а до сих пор по всему периметру домов то там, то здесь виднелись мраморные таблички, раньше их называли Доски почета. Потемневшие золотые буквы оповещали прохожих, что «здесь жил и работал... кто-то там в СССР».

Степаныч глазел по сторонам и невольно обращал внимание на эти «показатели былых заслуг», встроенные в архитектуру.

«Н-да, наверное, правильно было таким образом поощрять людей за их труд», – подумал он. Если уж денег все получали тогда одинаково мало, надо ж было как-то выделить людей значимых. А с другой стороны, он сам просидел перед осциллографом с паяльником больше двадцати лет, может, и он что значимое сделал? Да взять хотя бы тот разработанный им прибор. Мог бы, наверное, за него и здесь комнатку получить.

Интересное слово ПОЛУЧИТЬ! Ведь как оно было раньше, при СССР? Работай, и все придет в свое время! С одной стороны, было здорово. Когда ты заканчивал школу,

ты уже примерно мог планировать свою жизнь на ближайшие, по крайней мере, лет десять. Если все по плану: школа-институт-пионер-комсомолец-член партии. «Октябренка забыл», – усмехнулся наш герой.

В институт Степаныч не попал. Жаль. Заветная мечта учиться в городе электронщиков, Зеленограде, всегда манила его. Даже учась в школе, он просто приезжал иногда в этот милый маленький город, где все было другое! Не было ни захолустья провинции, ни шума мегаполиса! Все были вежливы и учтивы, даже еще в те времена улицы переходили только по «переходу». А машины пропускали пешеходов.

Таинственный город-спутник! Большинство взрослого населения в нем работало на всяких там «электронных» предприятиях и научных институтах. Говорили, что где-то там, глубоко под землей, находятся те самые часы, которые показывали секунды перед началом программы «Время». Самые точные часы в стране!

В Зеленограде ему нравилось все! Математическое расположение домов: там не было улиц, просто корпус 360, например, и номер квартиры. Множество зелени маленьких парков, а главное – спокойствие и какое-то внутреннее благородство жителей, что ли. Поэтому выбор был однозначный – МИЭТ. Новое, незнакомое тогда слово «электроника» привлекало и сулило что-то интересное. Степаныч, бывало, мечтал, что, как в фильме «Москва-Кассиопея», будет выходить на связь с далекими галактиками.

Знаний-то хватало! На вступительных он даже немного спорил с экзаменаторами, особенно по физике. Минут десять длилась беседа с полноватым старичком с бородкой о зависимости потерь в сетях от длины и диаметра сечения кабеля. Старичок, оказавшийся заведующим кафедрой, хлопнул Степаныча по плечу и, с удовольствием поставив ему «отлично», мягко добавил: «Молодой человек, такие дерзкие умы нужны нашей науке!»

Но не сложилось! Отсутствие у него комсомольского билета вызывало чувство отстраненности у всех поголовно. У старенького преподавателя физики к этому прибавилось еще и сожаление...

Окончательно все надежды разрушила молодая активистка из райкома, возглавлявшая группу итогового собеседования. В белом, обтягивающем свитере под горло и с ярким комсомольским значком на выступающей груди (куда во время собеседования, собственно, и смотрел Степаныч). Она задавала тупые проверочные вопросы, на которые каждый должен был дать правильные заученные ответы. Как игра такая была.

Степаныч сорвался на вопросе:

– Какое количество военнослужащих выполняло интернациональный долг в Демократической Республике Афганистан?

– Ну не знаю, тысяч двадцать? – смутился Виталий. Нигде об этом не писали, по телеку не говорили.

– Правильный ответ – ОГРАНИЧЕННЫЙ КОНТИН-  
ГЕНТ.

– Девушка, но это же не ответ! – вспыхнул он.

– Молодой человек! Кажется, вы не до конца понимаете значение политики партии и роли комсомола в ее поддержке? – невпопад, но уверенно и с нажимом спросила она словами из передовицы, спорить с которыми никто в те времена не стал бы. – Кстати, а почему вы не член ВЛКСМ?

И пошло-поехало! Слово за слово – беседа переросла во взаимные обвинения. А итогом стало написанное аккуратным почерком, жирной красной ручкой наискосок оценочного листа: «Идеологически подкован крайне слабо, не член ВЛКСМ!» И в правом верхнем углу – маленький крестик.

Потом уже Степаныч узнал, что при утверждении кандидатов все дела «с крестиками», даже не глядя, сваливали в старую коробку из перфокарт под столом. Эдакий тайный знак для своих: «Не тратьте время зря! Не достойны такие смотреть на самые точные в стране часы». Вот так!

Знала бы эта цаца, что чуть больше чем через год, в сентябре 1991-го, не будет ни ВЛКСМ, а слово КПСС станет ругательным! И куда она пойдет потом со своей шикарной грудью? Хотя нет, с ТАКОЙ грудью куда угодно примут! Еще бабушка говорила: «Сиськи по пуду – работать не буду!»

Вся эта муть тихонько крутилась в голове Степаныча, пока они шлепали вдоль домов. Потом прошли под высокой аркой с замазанной белой краской лепниной наверху и двумя

давно ставшими беззубыми львами по бокам. И когда Серый выдохнул: «Почти пришли», уже совсем стемнело.

Сумерки как-то быстро накрыли двор. И если небо еще было светлым от скрывшегося недавно солнышка, то в каменном мешке, окруженном со всех сторон высокими домами, стало уже почти темно. Одна тропиночка, лесенка направо вдоль узкого проема между стеной дома и помойки и – вниз по обшарпанным гранитным ступенькам.

Открыв кривую, еле болтающуюся на скрипучих петлях загородку из тонкого листового железа и пройдя пару метров, они оказались у мощной железной двери с коваными полосами по краям и усиленной крест-накрест широкими заклепками.

Серый включил встроенный в зажигалку светодиодный фонарик.

– Хорошо живешь! – вырвалось у Степаныча.

– Без этого никак, шею свернуть можно ночью, – буркнул Серый. – Завидуешь, что ли? Разбогатею – подарю тебе такой же.

Дверь красилась, наверное, уже раз десять. Очевидно, через каждые пять-семь лет. Следы и подтеки разных эпох имели разный оттенок и были похожи на «культурные слои», которые Степаныч видел при раскопках в программе «Дискавери».

– Старик, глянь вокруг, – шепнул Серый и подтолкнул Кепу: – Открывай давай, где ключ? Замерз я уже!

– Не спеши, а то успеешь! – Кепа с достоинством задрал свой балахон, оголив незагорелое брюшко, засунул куда-то внутрь руку. Степаныч даже предположить боялся, где Кепа хранит ключ. Наверное, в самом недосягаемом для врагов месте. Еще бы, такое сокровище!

Большой, добротный, толстый и тяжелый на вид ключ был отшлифован и блестел по углам от частого использования. Но не был ни ржавым, ни гнутым, как будто все шестьдесят лет его бережно хранили.

Кепа бережно вставил его в невидимое отверстие, поглядел зачем-то по сторонам и три раза провернул. Дверь медленно, плавно, без скрипов открылась. Тяжелая, с внутренней стороны с каким-то металлическим штурвалом и множеством штырей, уходящих в стороны. Компания оказалась в теплом и чуть влажном темном коридоре. Бомбоубежище!

## Глава VIII

Сталинские дома, или просто «сталинки», – это номенклатурные (для молодежи – элитные) жилые дома, которые точечно начали строить в 50-х годах прошлого века, когда у власти еще был Иосиф Сталин. Так и называли их – сталинки (потом к власти пришел Хрущев, и пошли «хрущевки»). Поскольку жить в таких домах должны были не простые люди, а избранные, приближенные к власти или, как тогда говорили, «к аппарату» или «номенклатуре», считалось, что их надо ограждать от возможных неприятностей.

Все еще помнили ужасы недавно закончившейся войны, и на случай бомбежки было решено устроить под каждым таким домом полноценное бомбоубежище. Оно закрывалось толстыми стальными дверями и внутри имело целую систему коридоров, помещений и закоулков с электричеством, водопроводом и вентиляцией. В случае авианалета оно должно было вместить жителей дома на некоторое время, пока не исчезнет опасность. Затем жители, по планам, должны были вернуться в свои квартиры.

Ключи от железных дверей хранились, как правило, у дворников. Ведь раньше дворники были незаменимыми людьми, первыми помощниками милиции. Жили при домах, как правило, в маленьких комнатках с отдельным входом в подвальном этаже. На минуточку, это была уважаемая про-

фессия! Сейчас большинство из таких убежищ сдаются в аренду под различные склады или другие нужды...

Коридор, в котором оказался Степаныч с компанией, был длинным, метров десять или больше, насколько позволяла рассмотреть светящаяся «пипка» в руке Серого. Старик прошмыгнул в дверь сразу после них, оглядел в щелочку местность снаружи и захлопнул дверь. Та закрылась с упругим хлопком. Резиновые прокладки сошлись, и по ушам ударило воздушной волной.

– Мощно! – вырвалось у Степаныча.

– А то! – пророкотал под сводами голос Серого. Он зажег коротенькую свечку, потом вторую, и в коридорчике сразу стало уютнее. Степаныч огляделся. Они находились в тамбурном коридоре, который отделял вход от непосредственно самого бомбоубежища. Двойные двери – надежнее!

В углу возвышался серый металлический шкаф. На его боковой стенке было множество отверстий, видимо для вентиляции, во многие из которых были продеты разноцветные загнутые кусочки толстой проволоки. На этих самодельных крючочках висели какое-то тряпье, халат и колпак деда Мороза и даже какая-то запыленная коробочка на длинном пояске, в которой Степаныч узнал фотоаппарат «Смена-8М».

– На фига фотик-то? Все равно пленки нет уже сто лет, – удивился Степаныч.

– А у нас – запас, мы на память фоткаемся, – опять заржал Кепа.

Он деловито обошел импровизированный стол из шести-семи деревянных, сложенных друг на друга паллет (такие подставки, на них еще возят тяжелые грузы), снял свой балахон (Степаныч так и не понял – пончо или широкая куртка, что ли?) и уселся в драное офисное кресло без ножек, лежащее на каких-то коробках.

– Ну чем не директор, блин? – раскачивался он, смеясь, пока, не рассчитав, не завалился назад, явив миру рваные на попе джинсы и стертые подошвы некогда модных, но давно умерших «гриндеров» (Grinders – марка мужской обуви с высокими берцами).

Тут заржали уже все. И то ли оттого, что все были в тепле и, как Степаныч полагал, в относительной безопасности, смех получился естественный, почти по-человечески добрый.

– Вставай, директор фигов! Чаю погрей! Только острожно, там плитка искрит!

– Давайте исправлю, чтоб не искрила, я умею, – тут же постарался проявить свою полезность Степаныч. Ведь неизвестно, как все обернется: тут, по крайней мере, лучше, чем в кузове. Тепло, электричество!

Вот какое все-таки человек неприспособленное существо! Вот, кажется, космос покорили, ракеты есть, телефоны, гаджеты, вайфай и, как тетка говорила, Стаграмм (Instagram), а простой холод делает нас беспомощными.

Помнится, как-то в Задонске оборвало линию электропе-

редач на районе, а мороз был градусов двадцать! Тепловая подстанция одна ли была, то ли резервная линия не работала, одним словом – тепла тоже нет! Микрорайон Первомайский – за рекой, все коммуникации автономные. Так трое суток жили, как в блокадном Ленинграде. Народ свечи зажигал, кутался в одеяла. Освещения на улицах тоже не было, жутко и страшно! У кого машины во дворах, так позалезали в них, включили и грелись, пока бензин не закончился.

У Витьки из соседнего дома был гараж теплый, с печкой, так к нему человек по десять набивалось, пришлось машину выкатить, а самим сидеть греться. Вот тогда мужики набухались – делать-то нечего! На работу не пойдешь, половина здесь же, на районе, на промкомбинате работает...

Жены у всех дома орут: «Сделай что-нибудь!» А что, блин, сделаешь-то? Хорошо еще, что половина домов – старые, двухэтажные, в них газ есть. Делали так: заходят все на кухню, дверь закрывают, духовку включают и сидят, смотрят на «голубой огонек», а спины одеялами накрывают. Чтобы батареи не полопались, многие паяльные лампы повытаскивали, по очереди трубы прогревали. А без толку, все равно всю землю не прогреешь...

Кто мог тогда, свалил в деревню к родственникам – там печка, там всегда тепло! И было это не в каком-то лохматом году. Тогда шел 1992-й или 93-й, кажется. У Степаныча до сих пор мурашки по коже. Вот тебе и блага цивилизации! В случае чего, выживет тот, у кого свой дом, печка, подвал с

картошкой и ружье. Потому как, если лихое время – и люди лихими станут, злыми и беспощадными!

Степаныч скинул пуховик, который от старости пошел уже горизонтальными буграми топорщиться. Куда пух-перо упало, там толсто, а верх – пустой и не греет!

– Давай плитку гляну, – по-хозяйски уже распорядился Степаныч, достав свое сокровище. Ободранный уже, но «живой», швейцарский нож с ровненькой пластиковой окантовочкой и остатками белого креста был его гордостью. В нем было практически все, что нужно для жизни – и шило, и ножнички (уже без пружинки) и набор отверточек.

– Иди сюда, моя хорошая, мы тебя полечим! – любовно пропел он, склоняясь над ржавым подобием нагревательного прибора.

– Ишь ты, с плиткой разговаривает, – причмокнул дед. – Эк тебя потрепало-то!

– А я со всеми приборами разговариваю, – весело ответил Степаныч. – У каждого ведь душа есть. У меня в лаборатории их было видимо-невидимо! И каждый со своим характером. Меня даже медалью наградили! – вскинулся он. Но потом, погрузнев, добавил: – Сгорела медалька...

Из всего сгоревшего медаль почему-то было жалче всего. Уже давно, еще в эпоху перестройки, его лаборатория получила заказ на какую-то электронную штуковину для нужд оборонки. И работники, сами не понимая, случайно умудрились наделить этот прибор какими-то особыми свойствами.

Тут же в городок приехала комиссия из столицы. А поскольку большинство проводков и схем подсоединял «уважаемый Загородний В. С.», ему и пришлось объяснять все эти особенности «уважаемым товарищам» в белых халатах и военных папахах, заполнивших его тесный кабинетик. Степаныч и сам не до конца понимал все процессы и что они там с коллегами сваяли, но слова «прорыв» и «новый уровень» слышались постоянно.

Через месяц его вызвали в Москву, в головной институт, где наградили почетной грамотой и медалью. Это было целое событие! Его провожали всем отделом, каждый норовил дать какое-то задание, просил что-то привезти из Златоглавой. Помнится, вернулся он нагруженный колбасой и туалетной бумагой. Тетке привез два батона «Отдельной» колбасы по 2.20 руб/кг. Отоварился в закрытой столовке там же, при институте.

Колбаса «Отдельная» ему даже больше нравилась. Она была ядренее, чем, к примеру, «Докторская», более жесткая, и зубы впивались в нее с удовольствием.

«Эх, сейчас бы той колбаски, да с чесночком...» – вздохнул Степаныч и продолжил ковыряться в ржавых внутренностях.

Руки уже согрелись, дело пошло споро, и вот на плитке уже побулькивала кастрюля. Водяной краник выходил прямо из стены. Причем, что характерно, поворотная ручка была при нем.

«Значит, не бесхозный», – подумал про себя Степаныч.

Раньше практически все краны в общественных местах были без ручек. Чтоб не пускали воду зря, наверное. В школе Степаныч специально носил с собой в кармане металлический кругляшок с квадратным отверстием посередине. Ему с компанией был доступен любой краник в парке или в школе. Попить тогда можно было везде. Лишь бы ключик имелся!

– А что свет не зажигаете, раз электричество есть? – кивнул Степаныч на свечи в маленьких круглых чашечках.

– Светомаскировка, – хмыкнул Серый. – От добра добра не ищут. Увидит кто с улицы – и прощай халява! Чтобы этот-то ключик добыть, пришлось неделю, наверное, бывшего дворника дядю Сережу поить! У него «однушка» на первом этаже. И вот он как-то проговорился, что, мол, когда под косметический салон в аренду подвал сдавали, он не все выходы новым хозяевам показал и не все ключи отдал. Мол, завален дальний проход. Ну, арендаторы и успокоились, с той стороны заделали стену.

– Зачем ему ключ этот, он, наверное, и сам не знал. Привычка. Про запас для себя оставил. Может картошку хранить, может еще чего! Вода есть, свет есть. А скорее всего, с войны «крыша» у него тютю! Он совсем тогда малым был, под Смоленском. Так когда выпьет, рассказывал: долго уже после Победы спать не мог, все вскакивал и кричал: «Мама, что, война?»

– Кепа постарался, – прокряхтел дед. – Поил-поил, уго-

варивал! Тот ни в какую не хотел ключ отдавать! Пришлось подождать, пока заснет. А наутро уж и не вспомнил про тот ключ.

– Не украл, а взял в долг ему не принадлежащее. – Кепа размеренно ходил по комнатке.

– Ну что, чайку и спать? – подвел итог беседы Серый.

Вдоль стены на уровне чуть ниже колена шли толстые металлические трубы, обмотанные стекловатой и каким-то подобием рубероида, схваченные ржавой проволокой. Местами ваты не было, свисали лишь лохмотья.

– Комната длинная, ложимся вдоль труб, чтобы потеплее. Сорри! Ты гость, спишь у двери. Что подстелить – сам найди, – кивнул он на кучу тряпья в углу.

– Снегуркин халат не брать, это мое! – уже ложась, шепотом прохрипел Кепа.

– Свет потуши! Споки-ноки, графья!

Home Sweet Home! Степаныч вспомнил веселый половичок у мышонка перед дверью, простонал: «Хорошо-то как!» – и провалился в темноту...

## Глава IX

Прошло пару дней. Как Серый и обещал, Степаныча не гнали, но и кормить зря не собирались. Утро у них начиналось, наверное, около девяти, когда на улицах уже есть какие-то пешеходы, а их одиозная компания привлекает меньше внимания.

К тому же, где-то до десяти утра у полицейских – пересменка. Одним уже все по фиг, другие только заступили на дежурство. Пока инструктаж, пока туда-сюда – размяться. Весь день еще впереди, чтобы план сделать, а если удастся – и заработать, время еще будет. Одним словом, с утра стражи порядка чуточку ленивые и не такие суровые.

С наступлением карантина помойки у дома пополнялись реже, в основном жители быстро перебежали от подъезда, с лёту, как баскетболисты, забрасывали пакеты в контейнеры и бежали назад. Кто в чем, но обязательно – в маске. Один пацан прибежал даже с пластиковым ведром на голове! Видно, такая жизнь была ему в новинку и интересна, он развлекался.

«Да-а, блин! Всех „построили“!» – горестно думал Степаныч. Благо еще, во двор сталинки – огромное пространство размером с футбольное поле, уместившее и детский сад, с десяток гаражей, пристроек, газончиков, клумбочек и прочую лабуду, не заезжали машины полиции. То ли брелка от

шлагбаума им не дали, то ли в планах это не стояло.

Московский бомж – вообще категория особая. Не то чтобы им нечего было есть совсем. Обьедками они, конечно, не питались. Помойку, расположенную посреди двора, проверяли ежедневно, но как бы «для порядка», может в надежде найти какое-нибудь невзначай выкинутое сокровище.

Еще в Задонске Степаныч слышал историю, что якобы лет десять назад «в одном почти столичном городе» один бездомный нашел в мусорном контейнере сверток с кучей драгоценностей и денег. Будто бы хозяйка квартиры, жена одного из криминальных авторитетов, прямо перед самым обыском выкинула в мусоропровод. В старых домах были такие мусоропроводы – прямо из кухни. Так вот он, не будь дурак, смог их сберечь и не пропить, уехал в Крым, купил себе дом и до сих пор живет там, счастлив и доволен. Красивые сказки, конечно, но верить-то хочется!

Из мусорных контейнеров они с удовольствием брали хорошо сохранившуюся одежду. Благо добрые люди ее оставляли в кулечке снаружи. Питаться отбросами Серый и компания отказывались категорически. Для пополнения запасов еды существовали супермаркеты, где вечером толпа жаждущих ждала выброса «просрочки». Там все сначала тихо стояли на заднем дворе метрах в десяти от пандуса. Потом открывалась дверь, какой-нибудь таджик выкатывал по пандусу тележку, разом переворачивал ее в контейнер и отскакивал в сторону, как тайский укротитель змей от кобры.

Налетали как ястребы, сопя и толкаясь локтями, в полной тишине. Без криков, только с каким-то звериным урчанием контейнер опустошался за три-пять минут. Сыр, колбаска, йогурты... Жить было можно! Мужикам особенно нравился белый хлеб с маслом. Наверное, это напоминало о той жизни, когда они имели это постоянно. Сейчас просрочки стало меньше, ситуация – грустнее.

Хитрый Кепа нашел нехитрый способ подзаработать. Он пробирался в подъезд, ходил по квартирам, звонил и зычным голосом на восточный манер выкрикивал: «Мусор, уважаемые, заберем мусор, уважаемые!» Из некоторых квартир через щель хозяева выкидывали завязанный целлофановый пакет и пару монеток по 5–10 рублей. Иногда не жалели и полтинника!

Как пройти в подъезд через домофон, спросите вы? Ха! Есть несколько способов. Первый и самый простой – стоишь у двери, ждешь, когда кто-то выйдет. Потом быстро набрасываешь сверху на дверь тряпку или старое полотенце, оно не даст двери закрыться... Когда жилец удалится, спокойно проникаешь внутрь.

Посложнее – вычислить код. Но тоже можно! Например, те подъезды, которые открываются нажатием одновременно двух-трех металлических кнопочек, так вот эти кнопочки с кодом – полированные от множества касаний, их и нажимайте.

Так и слонялись по соседним домам, шибали какую-ника-

кую денежку, пытаюсь не попасться полициям. На перекресток ходили реже. Там стоять надо почти целый день, само по себе палево, потом братве отстегни косарь, оставались крохи. Правда, само место было прикормленное. С одной стороны какой-то кубинский бар-ресторан, работали они на вынос, а не востребуемые заказы прямо в упаковке на задний двор выбрасывали. Один раз перепали «баклажаны а-ля крема», почти горячее национальное блюдо, похожее на наш жульен. Ой как вкусно! Прямо на месте и слупили. Тут же рядом пиццерия, тоже хлебное место. Одним словом, шла будничная, полная хлопот, огорчений и маленьких радостей жизнь московских бомжей.

...Но вот Степаныча скрутило! «Поплохело» – это не то слово... Ноги стали как чужие – ватные и непослушные, ломота во всем теле! Утром было вышли во двор, а у него в глазах – темно. Круги плывут, испарина! Серый говорит: «Лежи, на фиг ты нам такой. Кепа, запри его!»

Так провалялся он в забытии пару дней. С трудом вспоминал, как мужики возвращались, поднимали его за шкурку, сажали, давали в руки горячую кружку и что-нибудь поесть. Большой с трудом, уже не чувствуя запаха и вкуса, проглатывал все и опять проваливался в небытие...

Усталость наваливалась, прямо чугуном к земле прижимала. Глаза сначала слезились, потом конъюнктивит вылез. Мерзкая штука! Глаза закроешь, они слипнутся, и желтые гнойные стручья прямо на пальцы сыпятся, когда пытаешься

протереть. Слюнявишь рукав, протираешь глаза, и сразу открывать надо и промаргивать, а то слипнутся, совсем плохо. Или снегом потереть можно. Хотя тоже заразу занесешь...

Вот и сейчас Степаныч лежал, обняв горячую ржавую трубу, и мечтал о завтрашнем дне. Двое суток прошло, завтра – третий день. Степаныч почти был уверен, что на следующее утро оклемается. Сколько он себя помнил, любая зараза проходила к этому сроку.

– Эй, друг наш ковидный! – услышал Степаныч на следующее утро над собой зычный бас Серого. – Как сам?

– Да спасибо, – резво ответил Степаныч и сел. Мотнул головой – не кружится, потянулся, пару раз провел согнутыми руками на уровне плеч вправо-влево. Кажется, живой!

– Вот что водовка животворящая делает! – перефразировал слова из известного фильма Кепа. – Молодцом! Теперь давай, домой собирайся!

Степаныч испуганно взглянул на Серого. За эти дни он привык к этой убогой, но ставшей ему близкой компании.

– Разберемся! – буркнул тот. – Пьем чай и на выход! Весна на дворе, а у нас ни мыши, ни холодильника, чтоб ей в нем повеситься!

По узенькой лестничке они поднялись на двор. Как все изменилось! За эти несколько дней, казалось, небо стало синее-пресинее, ветерок уже не злой зимний, а прохладный весенний! Воздух стал чище, дышалось легко, во всем чувствовалось, что зима уже отступила. Или так казалось только ему,

потому что здоровый – это вам не больной!

– Двигаем к храму, сегодня суббота, должны бы супчик привезти, – скомандовал Серый. – Только – маски, маски! Не хватало еще залететь! – И они пошли, лениво подтягивая ступни, немного шаркая, но достаточно стройно, в сторону Гончарной улицы.

## Глава X

Сегодня у Улочки был особый день! Ей удалось пробиться, наконец, в волонтерский отряд «Моя воля»! И теперь она не просто будет разносить продукты, она сможет напрямую помогать тем, кому плохо и кто нуждается в ее помощи! А поскольку она считала, что обязана спасти если не весь мир, то, по крайней мере, его европейскую часть, весть о том, что завтра на территории ЦАО будет проводиться акция «Подари свое сердце» по раздаче бесплатной еды нуждающимся и бездомным, окрыляла ее!

Было сформировано две команды. Одна – на Ярославский вокзал. Но туда отбирали в основном ребят покрепче. По рассказам добровольцев со стажем, «уж больно много желающих покушать, и место немного стремное, разный народец попадается».

Второй транш «гуманитарки» стартовал как раз в сторону ее дома, на Таганку. С благословения префекта округа по выходным маленький переулочек возле храма Успения Пресвятой Богородицы был очагом, как говорили раньше, «смычки города с деревней».

Здесь организовывались воскресные ярмарки, где в разноцветных палатках торговали мясом, овощами, конфетами, шторами, да вообще чем угодно, лишь бы это выглядело делом твоих рук, то есть выращенное или произведенное сво-

ими руками. Некоторая часть рынка этому, казалось, соответствовала.

Серьезный мужик в телогрейке и белом фартуке, окруженный банками разноцветного меда, неспешно рассказывал об особенностях каждого вида.

– Этот гречишный, он тонизирует, – хвалил он пузатую темно-коричневую банку. – А этот липовый, от него весь обмен веществ зависит, – кланялся он баночке поменьше.

Везде пестрели самодельные разделочные доски, якобы своя квашеная капуста и так далее и так далее... Надо сказать, ярмарки эти очень нравились пенсионерам. В них они видели хоть некоторый, но возврат старых времен, когда все было настоящее!

Сейчас переулочек пустовал по известной причине, но с получением разрешения для акции было все равно очень трудно! В итоге место под бесплатную раздачу пробил командир отряда Александр. Фамилии Уля не знала, все общались по именам, но на «вы». Кстати, это добавляло романтики в общение!

Командиру пришлось предъявлять все двенадцать комплектов защитной одежды для отряда, сертификаты на все продукты и посуду, множество каких-то бумажек. Но Саша победил!

– Так, ребята, отмечаем ровно двадцать шагов от продовольственного магазина. Ставим туда вон те красные ограничители. О, кей! Здесь будут столы. Один – для бутербро-

дов, один – для супа. Машенька, будьте добры, контейнеры вынимайте перед самой раздачей, соблюдайте меры предосторожности!

Он бойко раздавал указания, когда группа, казалось, абсолютно бесполох гуманоидов, одетых с ног до головы в белые комбинезоны и такие же перчатки, высадилась из автобуса. Довершением экипировки были большие, в пол-лица, очки, похожие на горнолыжные, и специальные маски. Не простые, тряпичные, а покруче, с какими-то клапанами сбоку.

Дышать и ходить во всем этом было жутко неудобно, но Улечка пересиливала себя. Конечно, узнавать друг друга в таком наряде было трудно. Поэтому перед выездом маркером все написали друг другу имена на левой стороне комбинезона на уровне груди. Полагалось иметь бейджи, но и так получилось неплохо.

Весть о «халявном обеде» разнеслась неведомо как, и к моменту завершения разгрузки вдали уже толпилась группа человек из двадцати. Стояли тихо, с достоинством, иногда показывая пальцами на добровольцев и что-то обсуждая.

Серый, Кепа со Стариком и Степаныч пристроились в сторонке. Масок у других страждущих не было, и наша компания одна выглядела по-идиотски. Серому, кажется, стало неудобно, он засунул свою маску в карман и пробурчал: «Ладно, маски все равно потом пригодятся». Его примеру последовала и вся компания.

Запах супа разносился на всю улицу, щекоча ноздри

ощущением предстоящей трапезы... Степанычу невольно вспомнилось давнее время, как обедал он у себя, в конторе, в родном, так сказать, коллективе.

В конторе у Степаныча даже уже в постперестроечные времена все продолжали жить по старым укладам 80-х годов. Пили в обед чаек, каждый из своей принесенной кружки. На обед каждый приносил что-то свое: в литровой банке салат, в термосе чай, в целлофанке яйца. Кого позвали, обедали в бухгалтерии, а остальные – где придется. Раскладывали все это на общем столе и неспешно обсуждали житье, попивая пахучий напиток, а заварку выливая в герань на подоконнике.

Кстати, вот говорили, что в СССР не было классовой иерархии! Еще как была! В пределах любого предприятия, даже в отделах, существовали незримые чужому взгляду классы. Торговый отдел и бухгалтерия – это High class! Производственный и плановый отделы – ни туда ни сюда, никому не нужны особо, от них мало что зависело, и они вообще поглощали свой капустный салат с картошкой на своих рабочих местах... Пролетарии – сами по себе. У них на обед был кефирчик и батон «белого» за 23 копейки. Или, если помните, раньше были треугольные молочные пакеты: откусываешь краешек и давишь в рот молочко...

Виталия Загороднего бухгалтерия жаловала! Его приглашали на обед по причине холостячества, мягкого характера и незаменимости в случае поломки всяких бытовых прибо-

ров. Пара дам бальзаковского возраста, наверное, все же питали какие-то надежды на неженатого замначотдела. Но, откушав, Степаныч всегда старался побыстрее сказать «спасибо» и вернуться в свою каморку с кучей приборов, кранов и паяльников, где был сам себе хозяин. Одним словом, он был «суслик и трудоголик», как назвала его однажды в сердцах Мария Васильевна из планового отдела.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.